

ПСЫ У ВОРОТ

РЕСТАВРАТОР

МАМАЕВ САЙФУЛЛА

18+

Сайфулла Мамаев

Реставратор

<https://litres.ru/74073214>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если бы вы могли рисовать будущее? Не предсказывать — создавать.

Олег Чернов годами изображал монстров, не подозревая, что каждая его работа — это повестка. Приказ на развёртывание боевого скафандра из Аранта. Когда твари с его рисунков начинают убивать, Олег оказывается в центре войны, которую никто не объявлял. Войны между цифровой цивилизацией Кытмир, поработившей Землю через лекарство «Авиценна», и жаннаварами — существами, созданными для защиты человечества.

«Реставратор» — это сайфай-экшен с кинематографичным драйвом, плотным лором и атмосферой Москвы начала 2000-х. Вторая книга саги «Псы у ворот».

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	11
Глава 2	30
Глава 3.	43
Глава 4.	63
***	75
Глава 5.	84
Глава 6.	102
Глава 7.	116
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Сайфулла Мамаев

Реставратор

Пролог

Подъезд встретил привычной воňю — смесью кошачьей мочи и дешевого табака. Хрущевка дышала сыростью, которую не выдували даже открытые настежь двери. Под ногами сухо хрустнуло.

— Опять наркоманы шприцов накидали, — проворчала Эмма Фадеевна, усталая после ночного дежурства. Она ворчливо покосилась в сторону соседа с первого этажа, но, вспомнив его почти детское, быстро состарившееся лицо, лишь вздохнула. — Бедные дети, за что с вами так...

Подниматься на третий этаж с пакетом было тяжело — лифта не было. Со второго этажа пахло свежемолотым кофе.

Интересно, а Каринка хоть яичницу додумалась пожарить, — подумала она, *— или после очередных гулянок так и завалилась спать? Ох, Каринка-Каринка...*

Медсестра шла медленно, одной рукой держась за перила. В пакете — недельный запас, купленный на сегодняшний аванс. Зарабатывать становилось все труднее, а внучка тра-

тила все деньги на косметику и новомодные гаджеты, будто это шоколадные батончики.

Ночная смена вымотала, но ощущение дома всегда грело — пусть скромного, пусть старого, но родного.

Она улыбнулась заранее. Карина, конечно, опять проспит. Опять не услышит, как она возится на кухне. Девчонка... вся в мать. Добрая. И горячая слишком. Одни парни на уме.

Замок щелкнул привычно мягко — будто обрадовался возвращению хозяйки. Она толкнула дверь плечом и шагнула внутрь.

Тишина встретила не пустотой.

Тишина встретила... звуком. Очень тихим. Едва слышным. Как будто воздух потрескивал. Как комбинация, когда ее снимаешь. Или как отклеивающиеся обои...

И запах палаты тяжелобольных. Знакомая до тошноты смесь пота, мочи... и тихой смерти.

Эмма Фадеевна привычно позвала:

— Кариша?..

Ответа не было.

Все вокруг было неправильно. Воздух как будто стал плотнее. Он не пускал, сопротивлялся.

Медсестра делала шаг. Потом еще один.

Прошла в коридор.

И увидела.

Карина сидела на полу, прислонившись спиной к стене.

Спокойно. Неподвижно.

Сначала бабушка даже облегченно выдохнула:

— Напугала ты меня...

И только потом заметила.

Эмма Фадеевна замерла. В нос ударил едкий чужой запах.

Теперь она различила — озон и гарь паленых волос. И запах смерти. Но не такой смерти, как больницы, не тихий уход, а кончина молодого полного сил существа.

— Что... Ох...

Она замолчала, ее морщинистая ладонь прикрыла рот.

Над головой внучки стояло марево — не дым, а колебание воздуха, будто от раскаленного асфальта. Волосы Карины поседели у корней и закрутились сухими, ломкими кольцами.

Кожа, всегда нежная, светло-оливковая, теперь была серо-лиловой. Мертвенно-матовой.

И самое страшное — на ее плече.

На обнаженном плече четко, дьявольски аккуратно, будто сделано лазером — темнел рисунок. Сантиметров пять, не более... Но он был!

Не родинка. Не след удара.

Ожог. Печать. Клеймо!

А на нем — чудовище. Рогатое, с топором в руке и козлиными ногами. Оно выглядело пугающе четким, будто его нанесли в типографии, а не выжгли на живом теле. Рогатая тварь с топором.

Эмма Фадеевна видела похожих страшилищ на обложках

фэнтези-книг или в картинках, что Карина иногда листала в телефоне. Но там это была просто краска. Здесь же монстр врос в плоть ее девочки, став ее частью.

Пальцы бабушки дрогнули. Рука метнулась к серебряному кресту на груди.

— Бес! — вырвалось из пересохшего рта. Эмма Фадеевна кричала, но могла только хрипеть. — Бес!!

Сетка с покупками выскользнула, бутылка с молоком ударилась о пол и разнеслась липкой белой лужей. Хлеб упал рядом. Покатилось одинокое яблоко. Все это случилось как будто не здесь. Где-то далеко.

Она вновь открыла рот, чтобы закричать. Но голос не вышел. Лишь тихий сип сорвался с горла.

— Карри, что ты натворила?

Пришла в себя Эмма Фадеевна сразу, едва почувствовала резкий запах нашатыря — уж его она по долгу службы хорошо знала.

Огляделась. Она в своей квартире, вокруг множество незнакомых людей...

— Попейте, — в руку Эммы Фадеевны ткнулась чашка с водой.

Ее чашка?.. Почему она в руках чужого человека? Что он...они делают в ее квартире? И почему она на полу? Что вообще, происходит?

Эмма Фадеевна сосредоточила взгляд на предлагавшего воду.

Перед ней на корточках сидел грузный мужчина. Тяжелый подбородок, помятый пиджак и неестественно большие, будто чужие, уши. Он дождался, пока она сделает глоток, и только тогда достал из кармана красную книжечку. Раскрыл ее перед самым лицом женщины, давая рассмотреть печать и фото.

— Я — старший следователь Порывайко, Виктор Емельянович, — произнес он четко, выделяя каждое слово, как будто вбивал гвозди. — Эмма Фадеевна, я понимаю, что вам сейчас не до меня. Но мне нужно знать: кто-то посторонний в квартиру заходил? Карина кого-то ждала?

— Карри... Моя девочка...

Следователь Порывайко тяжело поднялся с корточек. Он был человеком опытным, видел и бытовуху, и разборки, но сейчас его лицо приобрело землистый оттенок. Он не знал, как протоколировать "мареву" и "седые волосы" у двадцатилетней девчонки.

— Эмма Фадеевна, крепитесь, — Порывайко решил сразу перейти к делу: формальности сейчас казались кощунством. — Ключи у кого еще были? Внучка на что-то жаловалась?

— Что с моей внучкой?

Следователь поднял глаза на подошедшего мужчину.

Тот только пожал плечами.

— Следов взлома нет. Как и присутствия кого-либо постороннего. Следов насилия... внешне не выявлено. Может лабораторное исследование что-нибудь даст, но пока... разве что только Рекс что-нибудь найдет.

— Валерий Семеныч, давай своего ветерана, — Порывайко обернулся к кинологу, стараясь не смотреть на серо-лиловое лицо Карины. — Может, хоть пес поймет, что за чертовщина здесь произошла?

Кинолог коротко скомандовал, но опытный пес замер на пороге комнаты. Упершись, он не рычал — наоборот, пятился, скребя когтями по линолеуму. Шерсть на загривке встала дыбом.

— Рекс, искать! — старшина дернул сильнее.

Рекс припал к полу, и из его горла вырвался тихий, жалобный вой — звук чисто животного, дочеловеческого ужаса. Он смотрел не на тело, а чуть выше, туда, где воздух все еще едва заметно дрожал, искажая очертания стены, словно над раскаленным гудроном.

Кинолог, теряя терпение, схватил за ошейник. Рекс взвизгнул — пронзительно, как от удара, — и рванулся прочь, волоча за собой хозяина.

— Что с ним? — поморщился Порывайко. — Чего он...

— Впервые такое, — перебил его кинолог, с трудом удерживая рвущуюся собаку. — Он боится. Не знаю, чего, но он

в ужасе!

Порывайко молча обвел взглядом комнату, труп, марево. Его лицо, и без того землистое, потемнело.

— Да что здесь творится, мать вашу?

Глава 1.

Глава 1

Денег — с комариный хобот. Пятница, доходов никаких, а в кармане — позавчерашняя мелочь. Дилемма: полбака бензина для старой «восьмерки» или еда? Проедать последнее глупо: через полдня опять захочешь, а бак будет пустой. Желудок свело знакомой судорогой. Придётся терпеть.

Машина была частью его. Последнее воспоминание о временах, когда телефон трещал, а не молчал неделями.

Запиликал звонок.

Взглянул на дисплей.

Игорь Смоленский. На душе потеплело, все-таки старый друг, навсегда друг.

— Олежка? Надеюсь, помнишь, какой сегодня день?

Олег на секунду завис.

Какой день? Четырнадцатое сентября. Твою мать! День рождения Лёшки Тарасова. Чёрт, совсем вылетело.

— Вот-вот, вижу, забыл! — торжествовал Смола. — Ладно, я зачем звоню. Ты того толстяка из «Пром-А» помнишь? Ну, которому ты трость реставрировал. Вспомнил? Он готов рассчитаться. Просил заехать, деньги получить, подписать что там у них положено... Короче, дуй туда, а ближе к

вечеру — за мной.

Олег, конечно, опоздал. Пришлось заезжать за Игорем, а тот явился с новой пассией. Марина, экономист из смежного отдела, ничего особенного. Не богиня, но и не неликвид. Игоря устраивает — и ладно.

Смоленский, практичный малый, в подарок другу вёз бошевскую кофеварку. На День нефтяника всем сотрудникам впарили по такому же прибору. А поскольку Марина вот-вот переберётся к Игорю со всем скарбом, второй агрегат становился лишним. Так и образовался подарок.

Пока они усаживались в «восьмёрку» — ох и не любит она задних пассажиров, — Олег снова принялся благодарить друга за заказ. Тот отмахнулся. Ему всегда нравилось быть нужным.

— С твоими руками, — Игорь продолжил старую тему, — ты бы такие деньжищи зашибал! Хочешь, познакомлю с одним парнем? Татуировки делает. Правда, голубой, но мастер — каких в Москве поискать. Жаком зовут. Был Жекой — стал Жаком.

Игорь хохотнул и посмотрел на Марину. Та, пождав губы, молча смотрела в окно.

— Скоро, наверно, Жаклин станет, но нам-то что? — Смола предпочел не замечать настроение подруги. — Мы

люди современные, в личную жизнь не лезем. Зато он бабки гребёт — косой коси! У него вся модная тусовка в очереди стоит. На несколько дней вперёд запись.

— Очередь-то хоть на что? — Олег усмехнулся. — А то пристроишь куда не надо...

— Ну не на... — Смоленский осёкся, потом заржал. Марина прыснула следом.

— И какое в татуировке мастерство? — продолжал Олег. — Тоже мне искусство. Бери шаблон, прикладывай и коли на здоровье. Правда, какое там здоровье — боль одна... и сразу занести недолго.

— Нет, брат, ошибаешься. — Игорь назидательно поднял указательный палец. — Татуировка — целое искусство. Это тебе не синь тюремная. Жак с тенями работает, с красками! Вот если бы он хоть раз твои рисунки увидел. Те, что ты от всех прячешь. Марина, знаешь, какую красоту этот здоровый обормот создаёт? Обалдеешь! Но не дай бог услышать, что он с картинами потом делает, — в обморок упадёшь.

— Что? — мгновенно насторожилась девушка.

— Сжигает! Представляешь...

— Смола, кончай преувеличивать. — Чернов поморщился. — Тоже мне шедевры.

— Да что ты понимаешь в шедеврах? — не унимался Игорь. Чувствовалось, что разговор старый, больной для обоих. — Сколько раз просил — давай хоть одну картинку продадим! Нет, ты как собака на сене: сам не зарабатываешь

и другим не даёшь.

— Ладно, крутой бизнесмен, приехали.

Олег свернул к знакомой улице. Обычная двенадцатиэтажка в конце — единственное, чем она примечательна для Чернова: здесь жил Лёшка Тарасов. Подрулив к подъезду, он повернулся к пассажирам:

— Выходите и... — Олег осёкся, заметив лёгкое платье Марины. Холод собачий, будто не сентябрь, а ноябрь. — Меня не ждите, поднимайтесь. Не будем же такую красивую девушку морозить.

В дверь пришлось звонить дважды. Веселье было в разгаре, музыка на басах раскачивала стены, и Олег уже решил, что придётся ждать паузы между треками, но тут дверь распахнулась.

На порог вылетел раскрасневшийся именинник. Расплывшись в широченной улыбке, он бросился к другу с раскрытыми объятиями.

— Сколько можно тебя ждать? — Было заметно: виновник торжества уже изрядно загрузился. — Веркины подружки уже все в сборе, а вас с Игорем все нет и нет. Я уже подумал, забыли гады, бросили...

— Тарас, коней придержи. — Олег отодвинул именинника плечом, заходя в квартиру. Запах перегара вперемешку с недорогим парфюмом резанул ноздри. — Опять в дрова? Не пора тормозить, ну не пацан ты уже!

— Пора, Олежка, пора... — Алексея качнуло, он вцепился в косяк. — Слышь, Чернов... ты мне друг?

— Если скажу «друг», ты мне стакан в руку сунешь, — Олег усмехнулся, скидывая куртку. — Короче, Леха: я за рулем, и я... злой. Очень! На кого не спрашивай, но на тебе тоже. Так что Лешка, я друг, но пить не буду.

— Это кто там пить не будет? — послышался грудной женский голос, и на площадку вышла девушка. Среднего роста с аппетитными формами, грозящими вскоре превратиться в роскошные, уверенный взгляд больших карих глаз. Гладкая белая кожа, крупные локоны каштановых волос и макияж в стиле женщины-вампи.

Ух ты какая! — пронеслось в голове Олега. — *Похоже не зря пришел.*

— Леша, ты садист! Такой экземпляр держишь в коридоре, — заявила она, продолжая рассматривать нового гостя.

— Кариночка, садист — это следователь, судья, прокурор... Те, кто людей сажают в тюрьмы, — возразил именинник. — И это не экземпляр, а Олег! Мой старый и самый любимый друг и товарищ.

— Да нет, почему, экземпляр тоже неплохо звучит, — перебил его Олег. — Может, мы все-таки войдем? А то соседи,

наверное, уши отморозили у дверей стоять.

Вера, выскочившая вслед за Кариной, при виде Олега за-
сияла.

— Олежка, как я тебе рада! — Вера от души чмокнула Чернова в щеку и тут же стала стирать с него помаду. — Какой ты сегодня... впечатляющий. Впрочем, правильнее сказать не сегодня, а всегда. Идем, я тебя со своими девчонками познакомлю. Есть очень красивые, между прочим. Обалдешь, в твоём вкусе.

Не дожидаясь ответа, Вера схватила руку Чернова и потащила его в коридор.

— Да я уж с одной познакомился, — едва успевая за хозяйкой, сказал Олег. — Кажется, Кариной зовут.

— Каринка? А что, нормальная девчонка! — Хозяйка уловила иронию в словах гостя и поспешила вступить за подругу. — Ну разве что немного меньше других прячет свой повышенный интерес к мужчинам. Так это ж вполне современно. Да и честнее. По крайней мере, в газетах пишут, что на Западе...

Дальше Олег не слышал. Едва он, увлекаемый хозяйкой, вошел в небольшую гостиную, заполненную людьми, как в груди что-то екнуло и оборвалось. Девушка у окна. Стройная, со светлыми волосами, собранными в небрежный хвост. Он увидел ее — и все остальное в комнате поплыло, потеряло резкость. Он еще не знал, как ее зовут. Но уже знал, что хочет это узнать. И что больше ни на кого сегодня смотреть

не будет.

— Олег, это Лена. — Вера представила ему худенькую, очень симпатичную девушку, почти девочку. Та протянула ему узкую ладошку.

— Какой вы большой! — кокетливо заметила она. — Даже страшно.

— Не бойтесь, я не ем детей, — отшутился Олег, тревожно ожидая момента, когда его познакомят с *той*, у окна. Вроде бы ляпнул глупость, но голова совсем не соображала.

Ему было совсем не до разговоров, все еще не верилось, что могут быть такие совпадения. Но девчушка осталась недовольна.

— А я и не ребенок! — заявила она, гордо вскинув хорошенькую головку. — И вполне могу за себя постоять.

— Олег, а это Толик, мы теперь работаем вместе. Лешка говорит, что Анатолий лучший программист из всех, кого он знает, — продолжала Вера. — Толик и Лена очень помогли нам.

Олег, шутливо извиняясь, приложил ладонь к груди и улыбнулся. Затем не удержался и подмигнул симпатичной парочке.

А Вера уже повернулась к другой гостье. Уж эта была явно не из тех, кто мог заинтересовать Олега. Светловолосая и полненькая — вот и все, что он увидел.

— А это наша Неля, — представила ее хозяйка дома.

— Мой ангел-хранитель, — добавил Алексей, — и вред-

нующий главный бухгалтер по совместительству.

— Ну вот, представил называется, — со вздохом сказала Неля. — Попробуй теперь прийти с неправильно оформленным отчетом.

— Нелька, не вредничай! — засмеялся Тарас. — А то Олежка подумает, что ты злобная фурия, а он у нас единственный не занятый кавалер на сегодня.

— Вы знаете, Олег, Леша много рассказывал нам о вас, — вмешался Толик. Он почувствовал, что Алексея заносит, и поспешил вступить в разговор. — Мы слышали, вы потрясающий художник.

Олег вздрогнул. Вот черт, и кто Тараса за язык тянул? Вечно болтает! Олег считал свое увлечение делом сугубо интимным, никакая реклама ему была не нужна.

— Это преувеличение, — сказал он. — Художник живет с продаж своих картин, я же занимаюсь восстановлением антиквариата.

— И все же, может, зря вы так скромничаете? — продолжила натаивать Неля, довольная тем, что разговор больше не о ней. — Здесь же все свои, показали бы!

— Вам прямо сейчас? — Олег иронично поднял бровь. — Или есть возможность немного подождать?

— Олежка, ну не сердись! — Вера шутливо дернула его за руку и виновато улыбнулась. — Все мы знаем твою скромность, но ведь ты же талант, и всем очень хочется посмотреть твои работы. Мы даже нашу Илсу заманили сюда, обещав ей

встречу с таинственным художником. Лешка в прошлый раз, похвастался твоим рисунком... и теперь все как больные.

Илсу? Ту девушку зовут Илсой? Какое странное имя.

— Помнишь, Олежка? — продолжала ворковать Вера. Ее мягкий грудной голос рассыпался теплотой. — Ну тот, что с монстром с пикой. Или копьем...

Олег действительно подарил Тарасу один из своих рисунков. Вернее будет сказать, тот так долго клянчил, что Олегу пришлось быстренько набросать ему что-то в своем стиле. Он уже и не мог вспомнить, что нарисовал, но еще раз пожалел о сделанной уступке.

Чуткая Вера вовремя уловила возникающую напряженность и, опередив события, повернулась к единственной не представленной госте. Взяв девушку за руку, она подтолкнула ее к Чернову.

— Вот, Илса, знакомься, это тот самый обещанный Олег, — сказала она.

Олег почти не слышал, что говорит Лешкина жена. Он оторопело смотрел в огромные серо-зеленые глаза и думал: все, теперь он уж точно пропал. Он просто не сможет отвести глаз и будет вот так стоять как последний идиот и молчать. Хорошо еще, что хоть Вера не молчала.

— Илса школьная подруга моей младшей сестры, но мы тоже дружим. Ты ее раньше не видел, они с мамой только недавно вернулись из-за границы, — продолжала Вера, исполняя роль хозяйки дома. — С их отъездом из Испании та-

мошный дипломатический корпус сразу же опустел, но зато к нам вернулась наша подруга. Ну вот и все, теперь все в сборе, все представлены, прошу за стол! Давайте, давайте, Лешка, ну приглашай, а я сейчас...

Вера убежала на кухню, но гости не спешили следовать команде и продолжали знакомиться друг с другом. Кое у кого на уме было нечто иное, а праздничный стол отошел на второй план.

— Так, девочки, первой Олег будет рисовать меня. — Карина уверенно взяла художника под руку и, прижавшись к нему упруго-мягким бедром, заглянула в глаза. — Я первой его заметила.

— Вы ошибаетесь, — сказал Олег, больше всего желая прекращения этого разговора. Он не отстранялся от девушки, но голос его звучал холодно и отчужденно. — Я не пишу портретов.

— Судя по тому, что нам здесь показали, ваш стиль фэнтези, это так? — поспешила уточнить Лена.

— Я не готов определять свой стиль. Я не зарабатываю этим деньги, а потому могу не ограничивать себя рамками какого-либо жанра. — Олег мягко высвободился из рук Карины и обвел взглядом стоявших около него девушек. Он почувствовал, что разговор принимает слишком серьезный характер, и решил перевести все в шутку:

— Да и зачем, если природа создает шедевры, не подвластные кисти художника. Такие красавицы, какие собра-

лись здесь, просто не заслуживают того, чтобы мы говорили о каких-то жалких копиях. Смотрите на оригиналы и наслаждайтесь!

Тут Олег спохватился, что несет что-то не то, и пустил в ход свое обаяние, которого у него было в избытке.

Тепло от прикосновения Карины прожигало рукав, а взгляд Илсы — кожу на щеке. Воздух стал густым от этого немого треугольника: желание, интерес, тихое обещание беды.

— Так что, художник, — голос Карины прозвучал как вызов, — девушек рисуешь или как?

Олег медленно перевел взгляд с Илсы на нее.

— Пишу, — тихо сказал он. — Но только то, что само просится на бумагу. И никогда — на заказ.

— Олежек, не скромничай! А то получается как-то странно. Тут Лешка тебе такую рекламу устроил, девчонки заинтригованы, а ты начинаешь отнекиваться, — со смехом сказала, войдя в комнату, Вера. Уж она знала, что означал огонек в глазах Олега. Уже не с первой подругой его знакомила в надежде, что он, в конце концов, угомонится и женится, но все бесполезно. Поставив на стол очередное блюдо, Вера улыбнулась. — Вижу, сегодня даже у тебя голова закружилась. Такой выбор! Но ты соберись, соберись! Я бы на твоём месте момент не упустила.

Зубы скрипнули. Лешка, балабол чертов, ну кто тебя заставляет языком молотить! Вот всем хорош, умный, сообра-

зительный, товарищ отличный, но как выпьет...

— А в каком стиле ваше творчество? — Неугомонная Карина, ясно и недвусмысленно заявляя о своих намерениях, вновь взяла его за руку. Она приняла слова хозяйки квартиры на свой счет и решила закрепить свои права на Чернова. — А это правда, что вы рисуете только шариковой авторучкой?

— Да, именно так, — подтвердил за Олега Игорь. Лишенный внимания он заскучал и решил напомнить о себе.

— Мне печать на справку нарисовал так, — начал Тарасов, но Чернов сверкнул зеленью глаз так, что Лешка почти протрезвел, и перевел разговор в шутку: — Короче, в Третьяковке ему уже место готовят!

— Не может быть! — усомнилась Неля. — Шариковой авторучкой? А как же краски, как же цвета, нюансы, оттенки... Нет, такого не может быть. Пока не увижу, не поверю.

Олег внутренне усмехнулся. Еще одна жаждет зрелищ.

— Я не люблю краски, — сухо сказал Олег. — И вообще, здесь кормят или нет? Я сегодня весь день на ногах!

— Кормят, наш большой мальчик, конечно кормят! — отозвалась из кухни Вера. Олег всегда удивлялся, как она умудряется всюду поспевать — и с гостями поговорить, и у плиты постоять, и стол накрыть. — Уже несусь, давайте, гости дорогие, садитесь за стол, я сейчас! И вообще, пора и за именинника выпить!

— Ага, — добавил Игорь вполголоса, — всем, кроме са-

мого виновника.

Олег укоризненно посмотрел на товарища, но тот лишь улыбнулся. Все равно все видели, что виновник торжества уже слегка подшофе, так чего кокетничать?

Празднество стало принимать более организованный характер. Гости начали рассаживаться, при этом ловкая хозяйка, заметив, что Олег то и дело поглядывает на Илсу, устроила так, что они оказались рядом. Олег с благодарностью посмотрел на Веру и, поймав ответный понимающий взгляд, не сдержал улыбки. Он и не заметил, что этот тихий обмен взглядами не ускользнул от Карины, которая недовольно поджала губы. Вера, по ее мнению, поступила нехорошо: видела же, что Карина первая положила глаз на этого здоровяка. Это нечестно! Ну да ладно, еще не вечер...

Как бы все трое удивились, если бы узнали, что перемигивания и переглядывания не укрылись от соседки Олега по дивану. Щеки девушки стали пунцовыми, но все были поглощены наполнением своих тарелок и рюмок, а потому никто этого не заметил. Илса быстро опустила голову, боясь, что ее выдадут глаза. Не дай бог сосед почувствует что-нибудь... Илса хотела отодвинуться, но двигаться было некуда, получилось только хуже. Олег пошевелился, диван под тяжестью его ста килограммов прогнулся, легкая Илса не удержалась на гладкой кожаной поверхности и скользнула вниз, плотно прижавшись боком к Олегу, чему тот несказанно обрадовался. Девушка попробовала незаметно отодвинуться,

но тщетно, ее бедро все теснее и теснее прижималось к твердой мужской ноге. Знала бы она, как это было приятно Олегу и как ему сейчас хотелось оказаться вместе с ней где-нибудь в другом месте.

— Чего сидим, кого ждем? — вдруг возмутился Тарас. — Водка скоропортящаяся, ее употреблять надо! Олег, скажи, что-нибудь красивое!

— Леха, ты ничего не попутал? — Опешил Чернов. — Это Игорь у нас говорить мастак, я по другой части. Давай Игорь, тост красивый скажи, ты умеешь.

Смоленский улыбнулся, тосты он говорить умел и любил. Быстро проверил, у всех ли налито, и завел одну из самых своих красивых историй. Это была притча о дружбе. Все, кроме Олега и Лены — оба были сегодня за рулем, — дружно выпили. Краем глаза Олег заметил, что соседка тоже не притронулась к рюмке. Перехватив его взгляд, Илса улыбнулась.

— Скажите, Олег, а вы правда реставратор?

— А что, есть необходимость что-то отреставрировать? — Чернова позабавило, как по-детски она это спросила, но он не подал вида. Зачем смущать человека? Тем более такого очаровательного. — И давай на ты. Кайся, что сломала?

— Да лучше даже не вспоминать! Я сделала ужасную глупость — поломала мамины любимые часы — сообщила девушка, лицо ее приняло огорченное выражение. — Старинные, напольные... Хотела к ее приезду пыль стереть, помыть, но дверца взяла и отлетела. Я ее даже не трогала! Честное

слово, она сама... упала. И треснула... там, где петли крепятся.

— Ну, это поправимо, — успокоительным тоном сказал Олег. — Мне нужно только взглянуть на твои часы, и я скажу, сколько времени мне потребуется, чтобы сделать все так, что никто ни о чем не догадается.

— Боже, где ж ты раньше был? — воскликнула Илса. — Так не хочется маму расстраивать.

Чернов боялся поверить в свою удачу. *Неужели все разрешится так просто? Вот так подарок. Если бы еще эта мама вернулась только завтра! А еще лучше послезавтра.*

— И когда же возвращается мама? — с замиранием сердца спросил Олег.

— Завтра. — Засветившиеся надеждой чудесные глаза тут же погасли. — А я так хотела...

Есть! Так и есть, кончилась его черная полоса! Все-таки не все еще так плохо в этом мире. Пора переходить к решительным действиям. Удача на его стороне, и теперь главное — не суетиться, не спешить. Девчонка не балованная, спугнешь, и все, пиши пропало.

— Тогда нужно срочно осмотреть, определить объем работы и приступить. Есть лаки, которые имитируют старину так, что и не отличишь. Но они долго сохнут, — начал Олег плести свою сеть. — Да, вот еще что. Сначала необходимо заехать ко мне за инструментами.

— Но... — Илса замялась. — А как же... Олег, не оби-

жайся, но это, наверное, будет не очень удобно — бросить здесь всех и уехать. Что люди подумают?

— Ну, это поправимо, — успокоил ее Олег. — Я сейчас сошлюсь на дела и уеду. Захвачу инструменты и вернусь, а ты минут через...

— Олег, не обижайся, но я не могу, — перебила его девушка. — Мама расстроится, если узнает, что...

Договаривать Илса не стала. И так было понятно, что она хотела сказать. Олег если и был раздосадован, то разочарован точно не был. Наоборот, Илса ему нравилась все больше и больше.

— А во сколько приезжает мама? — спросил он.

— Вечером. — Илса поняла мысль Олега. И оттого, что он не стал настаивать на немедленном визите, ей стало легче согласиться на встречу в дневное время. — А ты успеешь?

— Давай адрес и назови час, когда я смогу начать, — сказал он деловым тоном.

— Да в любое! Ой, я же буду на работе! — вдруг вспомнила девушка и расстроилась. — Хотя нет, я могу позвонить и отпроситься! Ой, так я же могу взять отгул, сегодня наш шеф на банкете, завтра наверняка его не будет. Даже если и придет, все равно могу взять отгул. У меня их целых три накопилось.

— Итак? — Олег затаил дыхание: неужели ему еще может повезти?

— Ладно, решено, завтра, если тебя это не затруднит, при-

езжай к десяти. Это не слишком рано?

Ответить Олег не успел — в разговор вмешалась Карина: — Илса, ну что вы там все шепчетесь? — Манерно улыбаясь, она встала из-за стола и сладко потянулась. — Именинник, я хочу танцевать. Верочка, включай музыку! Наши кавалеры такие стеснительные, что сами не додумаются пригласить. Игорь, посмотри на Илсу! А ты, Толик, почему о своей соседке забыл? Давай, Лена, вытягивай его, все равно никто не пьет, так что хватит тосты говорить.

Сбросив красный пиджак и оставшись в прозрачной блузке, она подошла к Олегу и присела в легком книксене.

— Можно вас? — с вызовом спросила Карина. Кареглазая поняла, что если самой не проявить инициативу, то можно и не дожидаться приглашения. А уступать этой холодной и высокомерной ледышке Илсе? Ну уж нет, ни за что!

Олег с трудом оторвал глаза от просвечивающего сквозь тонкую ткань круглого выпуклого соска роскошной груди. Оказалось, на девушке бюстгальтер такой же прозрачный, как и блузка... Чернов нервно сглотнул.

Карина заметила, куда направлен взгляд молодого человека. На это она и рассчитывала. Победно улыбнувшись, Карина бросила быстрый взгляд на Илсу, и не успел Олег встать, как она тут же приникла к нему всем телом.

— Как я люблю блюз, — прошептала она. — А ты?

— Я не разбираюсь в музыке, — ответил Олег, чувствуя, что его пробирает дрожь. Елки—палки, нельзя же так плот-

но прижиматься! Они же не одни. Небось выглядят по-идиотски. Но если он сейчас попытается отлепиться от Карины, будет еще смешнее. — Я делю ее на громкую и тихую.

— И какая же тебе больше нравится? — Карина двигалась ритмично и легко, но не отрывалась от него ни на секунду.

Олег запаниковал. Как ни нравилась ему Илса, но близость Карины действовала на него весьма возбуждающе. Олег мысленно выругался, черт побери, если Карина не прекратит свои штучки, то ему скоро придется прятаться за стол. Хорошо еще, что в комнате царил полумрак, со стороны не заметно, как он возбужден. Но от партнерши-то этого не скроешь.

— Так ты громкую любишь музыку — или тихую? — допытывалась Карина, продолжая свои коварные телодвижения. — Признавайся по-хорошему. А то ведь начну по-плохому... и тебе это понравится.

— Когда я за рулем, громкую, а когда отдыхаю, предпочитаю тихую, — поспешно ответил Олег, чтобы уйти от скользкой темы. Он слегка наклонился вперед и выпятил грудь, чтобы хоть частично отдалиться от настойчивой партнерши.

Но не тут-то было. С вызовом глядя ему в глаза, Карина раздвинула губы в улыбке, изогнулась дугой и снова прижалась к нему всем телом.

— А когда ты в постели? — хрипло спросила она. Приоткрытые губы влажно блестели. — Там ты какую музыку любишь? Наверное, громкую, чтобы стоны не были слышны?

Олег чувствовал, что у него больше нет сил сдерживаться. Еще мгновение, и он поднимет соблазнительницу на руки и понесет ее в ванную. Но, на его счастье, низкий сильный голос певицы взял последнюю ноту и умолк. Необходимость отвечать и продолжать танец отпала. Сделав вид, будто провожает Карину к столу, он рухнул на свободный стул, чтобы никто не заметил его непристойно возбужденного состояния, и демонстративно налег на угощение, мол, ему не до танцев, дайте поесть.

Глава 2

Оставшиеся не у дел Лена и Неля сели рядышком и принялись что-то весело обсуждать. Они поглядывали в сторону танцующих и то и дело прыскали со смеху. Что было тому причиной, Олега не особо интересовало, главное, что его никто не трогает.

Чернов решительно встал и, обходя танцующих, пробрался на кухню. Он думал выпить кофе, тем более что, часто бывая у Тарасовых, хорошо знал, где что лежит. Но самообслуживанием заниматься не пришлось, Вера стояла под открытой форточкой и молча смотрела в окно.

— А-а, Олежка! — она быстро смахнула слезинку, улыбнулась. — Почему не танцуешь? Ты сегодня нарасхват.

— Не любитель, ты же знаешь. Слуха нет.

— Ну, тогда посиди со мной. Хочешь кофе?

— С удовольствием! — Олег сел на табуретку в углу. — Только покрепче, пожалуйста. И без...

— Сахара! Я же помню, как ты любишь. — Вера подошла к плите.

— Вот вы где! — Алексей, веселый и покрасневшийся, влетел на кухню и рухнул на табурет рядом с Олегом. — Олег, ты же знаешь, как я тебя люблю? Скажи, знаешь?

— А кто сомневается? Я — нет.

— Тогда и не косись на меня! Подумаешь, выпил! — Тарас пьяно покачнулся. — Вот ты у нас... не пьешь! Ты больше по бабам... Что, зацепила тебя Карина? То-то же, у нее не вырвешься. Тигрица! Если уж положила глаз на кого, то трахнет, можешь...

— Леша! — не выдержала Вера. — Перестать!

— Слышь, Верка, а ты заметила, как Карина похорошела? — вдруг спросил именинник. — Похудела, постройнела... Пластику сделала, что ли?

— А ты уже и заметил. — Вера грустно усмехнулась. — Ты, наверное, забыл, она же «Авиценной» пользовалась.

Тарас вздрогнул, бросил быстрый взгляд на Олега и тут же отвел глаза в сторону.

— Вот черт, и она тоже... Ну тогда понятно. — Алексей мгновенно посерьезнел.

— «Авиценна»? Это еще, что такое? — спросил Олег. — И что в ней такого, что сразу все вам объясняет?

— Средство для омоложения, — сообщила Вера. — Но только очень тебя прошу, не пользуйся им сам и не давай тем, кто тебе дорог...

Олег посмотрел с удивлением на Тараса, потом на его жену.

— Если судить по тому, как это лекарство, как вы говорите, подействовало на Карину, оно очень даже эффективное, — заметил он. — Что же в нем такого... нехорошего?

— Последствия, — скривился Алексей. — Видишь, какая

Карина стала? Как «Виагры» обожралась.

— Ну, положим, она и раньше не комплексовала, — усмехнулась Вера. — А от Олежки она вообще с ума сошла. Так что «Авиценна» здесь ни при чем.

— Ну, ни при чем так ни при чем. А что касается «Виагры», так сегодня, скорее всего, она понадобится ему! — Палец Алексея описал дугу и уткнулся в грудь Олега.

— Это мы еще посмотрим, — возразила Вера. — Олег парень с головой, он сам знает, что ему нужно. Илса ему намного больше подходит.

— Ну-ну! — Алексей ухмыльнулся. — Сговорились! Ты, Верка, ради своей Илсы... Знаешь, она хорошая девка, но Карину вам не переплюнуть. В ней такой черт сидит... Огонь просто! А Илса... прости, но сегодня она пролетает. Может, потом, когда-нибудь, когда Карина ей позволит.

— Ты так говоришь, что начинает казаться, — хозяйка квартиры подозрительно посмотрела на мужа, — что и ты не миновал ее коготков.

— Я нет! Я еще жить хочу! — запротестовал Тарас. — Я под твоей защитой. А вот Олег... Насчет него могу поспорить, что бы вы ни планировали, а вашей Илсе придется подождать.

Язык бы Тарасу отрезать! — подумал Олег, глядя на спящую Крину. — *Это ж надо, какая ловкая попалась девица. И как же хитро она все устроила!*

Не успел он обрадоваться, что вечеринка подошла к концу, как выяснилось: Карина ночует у бабушки. А бабушка, как и Неля, живёт рядом с Игорем. Вместе с Мариной набралось как раз четверо пассажиров. Илсе же — как назло — удобнее с Толиком и Леной.

Делать было нечего. Напомнив Илсе еще раз, что приедет к ней утром, Олег забрал своих пассажиров и поехал.

Ближе всех жили Игорь с Мариной. Игорь сидел рядом с ним, впереди, и, усмехаясь себе под нос, посматривал на Олега. Ситуация его явно забавляла, чувствовалось, что его так и подмывает спросить, как друг собирается выпутываться из создавшейся ситуации. А Олег и не собирался. Зачем? Как сложилось, так и сложилось. Карина тоже неплохой приз.

В лифте они уже целовались. О сомнениях речь не шла. А потом инициативу взяла Карина — и Олег был ей благодарен.

Он ещё раз посмотрел на её расслабленное лицо. Идеальные дуги бровей, аккуратный носик, полноватые губы на фо-

не безупречной кожи. Да она красавица — как он раньше не замечал?

Словно бы заново открывая для себя достоинства своей добычи, он перевел внимательный взгляд на крупную грудь, украшенную расслабившимся соском. Черт возьми, как такая красotka могла оказаться без постоянного партнера? А в том, что его не было, Олег не сомневался, уж больно ненасытна она была.

— Тебе понравилось? — чуть хриловатый голос скорее констатировал, чем спрашивал.

Олег вздрогнул. Вот это номер — он думал, она спит. Навивный!

Поднял голову — наткнулся на лукавый взгляд. *Так-ак, судя по блеску карих глаз, гостья ещё не выдохлась. Отнюдь.*

— Какие у тебя мышцы! — Карина провела ногтем по его бицепсу. Длинный, твёрдый, с фиолетовым лаком и замысловатым бело-золотистым иероглифом. Прочертила тонкую красную полосу, переместилась на грудь, прошлась по соску и двинулась ниже. Олегу стало щекотно. Он поймал её руку, прижал женщину к себе. Тело Карины растеклось приятной тяжестью, мягко накрыло его торс.

— Вот ты и попался, хитрец! — проворковала она низким голосом. Олегу казалось — на нём лежит и мурлычет большая кошка. — Заманил невинную девушку, пообещал картины, а сам... Кстати, где обещанное? Ну-ка показывай, что ты там прячешь!

Не сходя с дивана, Карина вскочила на ноги. Нисколько не стесняясь наготы, огляделась. Стены были увешаны старинным оружием: сабли, мечи, несколько топоров.

— Собираешь? — удивилась она. — А если милиция?

— Это муляжи... — пояснил Олег. — Подделки.

— Покупаешь? — продолжала допрос гостя. — Где? На Варварке?

— Нет, я их сам делаю, — неохотно ответил Олег. — Для собственного удовольствия. Что, действительно думала, что это настоящее оружие?

— Я бы ни за что не отличила. Так, а где же картины? — Она скользнула взглядом к шкафу. — Здесь! Я угадала?

— Открой и посмотри, — наконец сдался Олег. — Там, на второй полке...

Повторять не пришлось. По-кошачьи легко соскочив на пол, Карина распахнула дверцу и, вытащив скоросшиватель с рисунками, открыла. Ее глаза округлились.

— Это же как у Валеджо! — воскликнула она. — Он тоже чудовищ рисует.

— Нет, Борис Валеджо рисует драконов, а тут, как видишь, совсем другое. — Олег, обернув простыню вокруг бедер, подошел к столу. — Это одна из первых моих работ.

Карина перевернула страницу и вздрогнула. На неё смотрели человечесьи глаза, но принадлежали они буйволиной голове. Гордо запрокинутая, увенчанная загнутыми рогами — и при этом маленькая по сравнению с мощным торсом.

Гипертрофированные, неправдоподобно раздутые мышцы. Сильные пальцы с грозными когтями сжимали диковинное оружие — не то топор, не то диск с серповидным лезвием. Огромные копыта. Сильный хвост хлестал по раздутым икрам — видно было даже облачко пыли, слетевшее с кисточки на конце. Казалось, ещё мгновение — и чудище оживёт: топор в лапах дрогнет, капля густой крови сорвётся с лезвия.

По телу Карины пробежал ледяной озноб. Рисунок был выписан с пугающей, фотографичной точностью. Каждая мышца, каждый коготь дышали зловещей жизнью. Значит, ребята не врали.

— Как ты смог придумать такого... — Она запнулась, не зная, как назвать существо. Ее брови взлетели вверх. — Олег, я не понимаю. Чтобы так нарисовать, нужно же видеть его!

— А я видел. — Олег улыбнулся, и было непонятно — шутит или говорит всерьёз.

Карина, ожидая продолжения, молча смотрела в глаза Олега, но он молчал.

Ну уж нет, — мелькнуло у нее в голове — Никуда тебе теперь не деться! Теперь все будет по-моему!

Непринужденным движением она швырнула листки на стол, потянувшись, заложив руки за голову. Пусть полюбуется. Слегка покачивая бедрами, она подошла к постели, наклонившись над Олегом, зазывно посмотрела ему в глаза и многозначительно улыбнулась.

Проснувшись, Олег первым делом глянул на часы. Без четверти час! Чёрт! В десять он должен был быть у Илсы. И сразу вспомнил Карину. Только этого не хватало. Объясняй теперь, что торопишься к другой...

Не поворачиваясь, пошарил рукой по тому месту, где должна была лежать ночная гостья. Пусто. Резко повернулся. На постели — только вмятина, ещё хранившая формы её тела. Может, в ванной?

Прислушался — тишина.

Вскочил и, не одеваясь, босиком вылетел в коридор. Паркет обжёг ступни холодом. Ни обуви, ни одежды.

Ушла. И даже не разбудила. Молодец, знает, что утром отношения рвутся гораздо чаще, чем вечером. Сообразительная.

Ладно, все это хорошо, но как же быть с обещанием, которое он дал Илсе? Она надеялась... Нужно хотя бы позвонить, извиниться...

Олег нащупал в джинсах смятый клочок с номером. Набрал цифры и замер, считая гудки.

Первый, второй, третий...

Гудок за гудком.

Восемь. Десять.

Тишина.

Обиделась? Или просто не хочет разговаривать. Скорее, второе. А может, самому поехать? Чем сидеть, мять варианты: дома — не дома, злится — не злится, поднимет трубку — не поднимет... Лучшие поехать и выяснить. Виноват — извинится! А то ромашка какая-то. Отремонтировать часы, а там как карта ляжет.

Собрался стремительно — с тех пор как сбрил бороду, утренние сборы сократились до минимума. Хотя какое сейчас утро? Машина стояла там же, где оставил ночью, — прямо у подъезда. Угонщиков он не боялся. Стихийные здесь не появляются, а среди местных желающих связываться с Черновым не было.

Быстро доехать не удалось. Полуденная Москва встала глухой пробкой. Олег нырял в переулки, петлял дворами, но на Садовом всё равно угодил в стальной капкан. Мотор гудел на холостых, из решётки кондиционера тянуло горячим воздухом. Оставалось только ждать.

К дому Илсы подъехал в половине третьего. Долго жал кнопку звонка — тщетно.

Почесал затылок. Может, Вере позвонить? Илса — её подруга, вдруг что подскажет. Мысль.

Рабочий таксофон нашёлся через три квартала. Набрал по памяти семь цифр. И снова, кроме длинных гудков, — ничего. В такое время дома редко кто сидит. А рабочего телефона

Веры он не знает. Может, позвонить Тарасу? И что сказать? Дай служебный Илсы? Чёрт, да у нее же сегодня отгул.

Вернулся к подъезду, поставил «восьмёрку» в тень чужого гаража. Опустил спинку, приготовился ждать. Спешить некуда. Солнце раскалило стёкла, воробьи дрались в пыли. В горле пересохло. В голове промелькнуло: *Вот идиот, даже воды не купил...*

Олег проснулся, когда день уже клонился к вечеру. С остановок и метро валил народ — торопился домой, к кастрюлям, телевизорам, припрятанным бутылкам. Во рту пересохло и горько слиплось. Хотелось пить. Ледяной газировки. Или просто воды. И жвачку бы — перебить противный привкус.

Припарковался у ближайшего киоска, залпом выпил банку пепси, бросил в рот подушечку «Дирола». Потоптался, рассеянно глядя по сторонам. И вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд.

Резко обернулся.

На противоположной стороне улицы стояла Илса. Смотрела на него.

Олега будто ударило током. Вся дурацкая ситуация с Ка-

риной померкла — стала пошлой и грязной на фоне этой усталой, но всё равно невероятной девушки. Какого чёрта он натворил? Осёл конченный.

Лишь бы простила! Лишь бы не спрашивала про Карину. Врать не умею — сразу прокалюсь!

Он бросился вперёд, лавируя между застрявшими в пробке машинами, и через считанные мгновения стоял рядом с ней.

— Илса, извини, я проспал! — выпалил он и тут же мысленно себя пнул: *идиот, мог бы соврать что-нибудь*. — Потом звонил, приезжал, тебя не было...

— Мама, знакомься, это Олег. — Девушка повернулась к стоявшей рядом стильно одетой женщине, которую Олег поначалу не заметил.

Сходство дочери и матери бросалось в глаза: одинаковый рост, черты лица. Только у матери — сеть морщинок в уголках губ и глаз. Да ещё взгляд... Глаза казались одинаковыми, серо-зелёными. Но нет, разные. У Илсы — тёплые. А у матери — холодные, колючие. Пронзительный взгляд, так и буравит.

— Олег, маму зовут Алла Рихардовна, — продолжила Илса. — Я ее только что встретила, и... вот приехали домой.

— Вы меня извините, я действительно виноват!! Но я сейчас все быстро сделаю! — торопливо продолжал говорить Олег, почти не слыша Илсу. — Я прошу вас, пойдёмте посмотрим, что у вас сломалось.

— Мама, может, действительно пойдём? — поддержала его Илса. — Олега все хвалят, говорят, отличный мастер...

— Вы нас извините, Олег. — Голос Аллы Рихардовны был ровен, но где-то в его глубине, словно далёкий отголосок, дрожала тонкая струна отторжения — чисто физиологического, животного. — Давайте лучше как-нибудь в другой раз. Дело в том, что я сегодня жду гостей.

Она повернулась к дочери:

— Илса, прости, я совсем забыла тебе сказать — через полчаса к нам приедут гости. Так что сама понимаешь... Простись со своим знакомым и быстро домой. Я тебя жду. До свидания, Олег.

Алла Рихардовна, даже не взглянув на Чернова, направилась к переходу.

Илса посмотрела вслед уходящей матери, затем повернулась к Чернову. Щеки девушки стали красными.

— Вот потому я хотела успеть до приезда мамы, — тихо произнесла она. — Извини.

— Это ты извини, я должен был приехать утром, но... проспал.

Илса кивнула. И вдруг, как бы размышляя:

— Карина помешала?

Но Олег уже был готов к колкости:

— Да говорю же, проспал! — чувствуя, что сейчас заврется буркнул: — И вообще, я просто хотел помочь. Мне от вас ничего не нужно.

Резко развернулся и пошёл к машине. На полпути спохватился:

— Извини ещё раз. Каюсь, опоздал, подвёл тебя. Если всё же надумаете с часами — найдёшь меня через Веру.

Глава 3.

Виктор поморщился. Не любил, когда хлопают дверь. Даже чужой квартиры — как вот сейчас, за медиками, увозившими старшую Акопян в больницу. Было в этом что-то неправильное — как разрыв нити, как смена декораций в театре. Роковой миг: кто-то уходит навсегда, а кто-то получает свой локальный ад.

Порывайко вздохнул. Посмотрел на Николая Зинчука — опер присел возле тела младшей Акопян и что-то рассматривал. Что там можно разглядывать, кроме этого клейма? Хотя глаза... Выпученные, мутные, будто действительно сваренные изнутри. Вот как такое можно сотворить?

Щелкнул привод фотокамеры эксперта Гаврикова. Затем еще раз.

Что-то и Гаврош молчит. Обычно разговорчивый... не остановишь. Значит тоже в шоке и версий нет. Впрочем, выдвигать версии — не его дело. Это работа следователя. То есть его, Порывайко.

Но хоть что-то для затравки мог бы подсказать?

— Мысли есть какие-нибудь? — не выдержал Виктор. — У кого какие соображения?

Зинчук и Гавриков переглянулись.

Ясно — опер ждет указаний следователя, эксперт... сам

в непонятках.

— Мыслей нет, — констатировал Порывайко. — Тогда действуем согласно должностным инструкциям. Описываем, документируем, опрашиваем...

— Коля, отойди, дай поработать, — попросил Гавриков. — Нужно зафиксировать...

— Да фиксируй... на здоровье! — зло буркнул опер. — Не забудь вот ту штуку на плече. Клеймо. Его сделай во всех подробностях!

— Обязательно прислушаюсь к твоим рекомендациям! — огрызнулся Василий. — И что бы я без них делал? Ты лучше с собакой пообщайся, что она такое почуяла, что обосралась от страха и убежала отсюда.

— Это ты типа сострил? — одернул эксперта Порывайко. — Лучше ускорься и дай уже хоть какое заключение. А то вообще непонятно, как и чем ее убили!

— Занимаюсь, — буркнул Гавриков.

Замелькали вспышки, с сочным хрустом защелкал затвор зеркальной фотокамеры.

И вдруг...

— Твою мать, Витя... Виктор Емельянович, я... не знаю как и сказать... Это... Эта штука... Это не клеймо!

Порывайко, встретившись взглядом с Зинчуком, сделал останавливающий знак рукой и быстро шагнул к трупу. Немного грубовато — не до сантиментов — отодвинув плечо Гаврикова, наклонился.

— И откуда такие выводы? Разве это не ожог? Ровные края, четкие линии. Нет, Вася, это самое настоящее клеймо! Ее заклеямили как скот. Как бы нам на маньяка не нарваться. Чертовы телевизионщики с утра до вечера о них показывают, вот и развелось...

— Витя, смотри внимательно! У нее нет ни одного повреждения, характерного для внешнего высокотемпературного воздействия!

— И что? От этого ожог не перестает быть ожогом! Это, клеймо!

— Это... сделано изнутри! Видите? Нет ни микрокрово- течений, ни волдырей...

— Чего? Изнутри? Ты бухой, что ли? — Не выдержал Николай.

— Сам ты... такой! — выплюнул сквозь зубы Гавриков. — Я не знаю, как это объяснить, но профиль термического поражения не соответствует внешнему источнику! Температура у нее... поднималась изнутри! Словно все тепло тела сконцентрировалось в одной точке и выжгло этот... рисунок.

Порывайко и Зинчук вновь переглянулись.

— И не смотрите на меня, как на идиота! — Гавриков вскочил и ткнул пальцем в потерпевшую. — Глаза как сваренные, кожа как после термического воздействия, клеймо... Я не знаю, как это назвать. Но вы сами посудите: на дверях нет следов взлома, соседи чужих не видели, осмотр не выявил присутствия посторонних или следов борьбы! На

теле нет признаков насилия: ни синяков, ни царапин, кроме того, что я показал. Следов внешнего воздействия не обнаружено!

— Так она, что, изнутри... Съела что-то такое, что ее сожгло? — выпучил глаза Зинчук.

— Ага, и то, что она съела, вот такую хрень на плече выжгло? — Порывайко резко ткнул пальцем в монстра на плече девушки. — Постой, я кажется, только что такое видел! А ну Коля, дай-ка вон те бумажки. Вон там на полке лежат.

Зинчук метнулся к югославской стенке, взял два листа формата А4.

— Лист ватмана, разрезан не фабричным способом, — констатировал он, раскладывая листки на столе. — Графика, с использованием шариковой авторучки.

— Да ты на этих монстров посмотри! Точно как тот, что на плече. Только там с топором, а эти с дубинками! — Порывайко ударил кулаком по столу. — Вот же, доказательство!

— Смотрите, что я нашел! — Вдруг подал голос Гавриков. — У нее в руке оказалось зажато!

Эксперт пинцетом осторожно вытянул зажатую между окоченевшими пальцами и ладонью, потемневшую бумажку.

— Чернов, — прочитал, взглядевшись. И повторил: — Точно! Как и подписи на тех картинках — Чернов.

— А вот и ниточка!

Зинчук достал мобильник. Набрал номер отделения.

— Миша, быстро пробей Чернова! — закричал он дежур-

ному. — Только очень быстро! Возраст от двадцати трех до двадцати семи. Работал... работает художником или оформителем...

— Реставратором, — подсказал Порывайко.

— Да, точно, посмотри еще реставраторов, — повторил за ним опер.

Олег вошел в подъезд, сжимая в кармане кулаки. Все бесило. День пошел наперекосяк с самого утра. Проспал, опоздал, пробки... и виной всему — собственная слабость к красивым женщинам. Понимал же, что делает неправильно, приглашая Карину к себе, но... пригласил.

Он стоял, дожидаясь лифта, когда в подъезд вошли двое. Машинально отметил: лица незнакомые. Но разве в многоэтажке всех запомнишь? Кто-то поменял квартиру, кто-то сдал — вечно новые жильцы. Да и кого это интересует? Только не его, тем более в сегодняшнем настроении.

Парни подошли и стали рядом. Что-то в их облике было настораживающим. Или это он сам себя накручивает?

Скосил глаза — сначала на одного, потом на другого. Справа высокий, худощавый, с большим кадыком. Второй — среднего роста, крепыш, в кепке а-ля Лужков. Нет, зря на-

прыгая. Никогда их прежде не видел. Ну и бог с ними. Были бы знакомы — сами бы поздоровались.

Олег шагнул в раскрывшиеся двери кабины, незнакомцы вошли следом.

— Вам какой этаж? — спросил высокий. — Нам седьмой.

— А мне шестой. — Олег нажал свою кнопку.

Двери уже закрывались, когда в подъезд вбежали еще двое.

— Эй, подождите! — закричал один из них. Высокий протянул руку, чтобы придержать дверь, но Чернов, опередив его, нажал кнопку «Стоп».

— Спасибо! — сказал один из новоприбывших, большеглазый и коренастый. Он растерянно улыбнулся и сообщил:

— Нам девятый...

Олег уже подходил к своей двери, когда из глубины коридора вынырнули еще двое незнакомцев.

Что они сегодня, специально парами ходят? Не хватало еще в квартире парочку встретить. — с раздражением подумал Олег. —

Но встреча произошла раньше.

— Чернов? — спросил парень в кожаной куртке.

— Да, а что нужно?

На него навалились все разом — и те из лифта, и те из коридора, и еще несколько, вынырнувших от пожарной лестницы.

Олег пришел в себя, лишь почувствовав на правом запястье холод наручников. И тут он словно проснулся. Одним взмахом отшвырнув двоих, повисших на правой руке, следующим рывком он освободил и левую. Ударом ноги в грудь он отбросил противника, стоявшего перед ним, выброшенный назад локоть вмял нос стоящего сзади.

Нападающие быстро перестроились. Кто-то метнулся ему в ноги, еще кто-то повис на руке. Крепыш в кепке, изловчившись, ударил его в печень, а затем что-то твердое и тяжелое обрушилось на затылок Чернова.

В глазах померкло.

Олег не знал, что его ещё некоторое время остервенело били ногами. И только потом, устав, нападавшие отступили, переводя дух. Милиция очень не любит, когда ей сопротивляются. Не знал он и того, что это было только начало.

Бесчувственного и окровавленного, его потащили из подъезда.

Пришёл в себя на улице. Шестеро оперативников заталкивали его в милицейский «УАЗ». Сквозь застилавшее глаза кровавое марево он увидел испуганные лица соседок на лавочке у подъезда. Нетрудно было догадаться, что они подумали. Но сейчас — не до них.

Голова гудела. От врезавшихся в кожу наручников болели руки. Но тяжелее всего — он не понимал, что происходит. Что за люди? Что им нужно? Менты? Но он ничего такого не сделал, чтобы его так крутили. Бандиты? Им-то он зачем?

Да и не похоже на бандитов: машина всё же милицейская. Значит, менты. Но почему тогда били? Могли бы просто вызвать повесткой.

Олег повернулся к окну — и тело пронзила такая резкая боль, что он потерял сознание.

«Уазик» притормозил у отделения, свернул во внутренний двор. Следом влетела «шестёрка» с операми. Возбуждённо смеясь и подшучивая над теми, кому досталось от задержанного, они вылезли из машины. Пошатываясь, выбрался и Коля Зинчук — он ещё не оправился после удара ногой.

— Куда его? Кто следователь? — спросил большеглазый. Он был горд: именно его удар рукояткой остановил сопротивление силача.

— Порывайко. — Ответил кто-то из наблюдавших за прибытием группы.

— Энтузиаст? Ну, тогда понятно, — хмыкнул большеглазый. — Этот будет сразу колоть. Или, может, к нам, на дополнительную обработку?

— Дельная мысль! — криво улыбнулся Зинчук. — Размягчим его, а Витек пусть пока бумаги выправит. А там, глядишь, и со шмона ребята подъедут.

— Да куда его на долбеж, он же и так в отключке! — Водитель машины стоял возле задней дверцы и заглядывал в отсек. — Как бы в больничку не пришлось определять.

— А ты видел, что этот мясник с девчонкой сотворил? — завизжал опер, пылавший жаждой мести за пропущенный

удар. — А что до битых ребер, так ведь сопротивлялся при аресте. И вообще, Степа, крутишь баранку — крути, не лезь в оперативную работу.

Водитель, чуть ли не вдвое старше Зинчука, молча подал ему ручку от отсека для арестантов и скрылся в кабине. Заикался же не вступать в разговоры с этим неприятным типом. Все раскрытия — через мясорубку. А на деле — халтура. Половина переданных в суд дел — липа.

— Ваша фамилия?

В кабинете было душно, из пепельницы несло невыносимым смрадом. Олег с трудом различал лицо допрашивающего. Смотреть мешал заплывший глаз — умыться почти не дали, плеснули из кружки водой в лицо, и все. Торопились поскорее в чувство привести. Правый глаз вообще ничего не видел, левый резало светом от яркой лампы.

— Я ясно задаю вопрос?

Маленькие карие глаза буравили Олега. Они ему сразу не понравились. Он, стараясь понять, в чём дело, присмотрелся. Странность действительно была: зрачки следователя всё время подрагивали. Не бегали, как у лжецов, а мелко-мелко дрожали. Необычно и неприятно. Слово то был до преде-

ла взвинчен.

Интересно, кто же заставил мусора так нервничать, подумал Олег. Ему и в голову не могло прийти, что он и есть причина этой взвинченности, ведь он ничего не сделал. Ладно, время покажет. Скоро все выяснится, и тогда ментам тугу придется. Олег для себя решил, что дойдет до прокурора, но дело так не оставит. Козлы, еще извиняться будут.

Несколько успокоившись, он снова сосредоточил взгляд на лице молча ожидавшего ответа следователя. Тонкие губы, прямой нос. На лице застыла нарочито брезгливая мина: во время разговора он кривил рот так, будто общение с избитым арестантом было ему настолько отвратительно, что его корбило.

Олег заскрипел зубами.

Врезать бы тебе по этой роже так, чтобы восстановить симметрию, да только дадут за тебя столько, сколько за людей не дают.

— Ну так что, говорить будешь? — не выдержал наконец следователь. — Или тебе память освежить?

— Себе освежи! — сплевывая кровь, прорычал Олег. — Без адвоката я тебе и слова не скажу.

— Ну-ну, — кивнул Порывайко. — И этот фильмов на-смотрелся. Вижу, ты не понимаешь, что тебе грозит. Убийство, совершённое с особой жестокостью, сопротивление сотрудникам полиции. Это кроме изготовления и хранения холодного оружия. На пожизненное тянет. Если не на вышку.

А если ещё и изнасилование подтвердится? Да тебя самого в камере опустят. Дай только заключения экспертиз дожждаться. Я уж постараюсь, чтобы сокамерники узнали, за что сидишь. Молить тогда будешь...

— Чего? Да ты сам молись! Насильника нашёл, — огрызнулся Чернов. — Охренел, что ли? Вообще, в чём меня... Где... кто... Расскажи толком, я ничего не понимаю.

— Да? — усмехнулся следователь. — А вот люди показали: ты специально сделал так, чтобы Карина Акопян оказалась последней из тех, кого ты развозил.

— Ну и что?

— А то, что дома она не ночевала! Вопрос, где она провела ночь? И с кем? — Порывайко пристально посмотрел в разбитое лицо Олега.

— У меня, я и не скрываю.

— Вот-вот, и правильно, что не скрываешь, — кивнул Порывайко. — Это умно — говорить, что и так нам известно. Ну, давай дальше, посмотрим, что еще расскажешь добровольно. Что с девкой делал? На твоих простынях, — мы их уже изъяли, — есть следы спермы! Драл ее?

— Ну и что? — Олегу было противно слово «драл», противно обсуждать с этим хамом свою ночь с Кариной, но, как он ни зарекался молчать, пусть хоть убьют, но вдруг само по себе получилось, что он начал отвечать. — Да, у нас была... любовь...

— Любо-овь?! — возмущенно протянул Порывайко. —

Любовь? Да уж видел я твою любовь! Как у Мальвины от любви Буратино вся... в занозах. Чем девку убил? Почему у нее все внутренности, как после ударной волны?

— погоди... о чем ты? Кого убили? Карину? Не может быть...

— А ты хорошо держишься. Такое удивление разыграл...

— Я ее не убивал! — Олег тоже перешел на крик. — Она ушла утром, я даже не видел когда! Я спал!

— Ну конечно, у вас же любовь! — Губы следователя сложились в презрительную ухмылку. — Трахнул и отправил? Одну? И даже на машине не подвез? Какая же это любовь?

— Да я спал, когда она ушла! — Олег дернулся и осел, скривившись от боли.

— Что, больно? — взвизгнул Порывайко. — Ничего, когда за тебя возьмутся в камере, еще не так больно будет! В другом месте!

— Да ты чего охренел? — закричал Олег. — Не виноват я! Понимаешь, не виноват!

— Ах не виноват? Может быть, может быть. Вполне. — Следователь вновь улыбнулся. — Слушай, а может, тебя кто-нибудь видел в момент совершения убийства? Подумай, наверняка ты с кем-нибудь встречался, разговаривал... Вспомни, это же алиби!

— А в котором часу это произошло? — доверчиво спросил Олег.

— А то ты сам не знаешь! — Порывайко с досадой отме-

тил, что в простую ловушку преступника заманить не удалось.

— Не знаю. Я здесь в кабинете впервые услышал... о ее смерти. — Олег говорил медленно, его глаза застыли, уставившись в что-то на стене. — Если бы она меня разбудила...

— Скажи, Олег, а зачем тебе столько оружия? — вдруг спросил следователь. — Сабли, мечи, топоры... Хорошо хоть пулемета нет. — Порывайко внимательно посмотрел на обвиняемого. — Или есть? А? Ну-ка скажи, Чернов, может, у тебя и огнестрельное оружие есть?

— Нет!

— Чего нет?

— Пулемета нет!

— А что есть? — Теперь вопросы следовали один за другим.

— Ничего нет!

— А как же мечи? Сабли? Топоры... Это же явный признак склонности к насилию! — закричал Порывайко. — Повторю: это уже повод для экспертизы твоего психического здоровья!

— Себя проверь! — огрызнулся Олег. — Большинство художников Средних веков оружие рисовали — и что? Их тоже проверять будешь?

— Но они никого не убивали, а ты?

— Я тоже никого не убивал!

— Да врешь ты всё! Это ты убил, и я докажу! И у меня

есть свидетель! Сама несчастная девушка против тебя свидетельствует!

— Как это? — удивился Олег. — Так она жива?

— Нет, но это не важно. Она успела спрятать клочок бумаги с твоим именем! И это — твой смертный приговор! — торжествующим тоном произнес следователь. Видимо, приберег этот аргумент напоследок как самый убийственный. — Но это еще не все. У девчонки на плече — «фотография» твоего художества. Выжженная в мясе. Как ты это сделал? Лазером? Трафаретом? Эксперт говорит — это структура на клеточном уровне изменена. И точно такая же картинка у тебя в альбоме, черточка в черточку, будто негатив оставил! Представляю, что несчастная девчонка чувствовала, когда ты ее уродовал!

— Чего? Какая еще фотография?

— Ну не в прямом же смысле фотография. У Акопян обнаружили на плече ожог. Клеймо, в виде тех кошмаров, что на твоей мазне. Прошу прощения — на рисунках. Это же ты их рисовал?

— Да.

— А зачем?

— Как зачем? Незачем, просто что в голову пришло, то и рисовал.

— А клеймил ты ее по тому же принципу?

— Я?! Чушь! Никого...

— Как ты это сделал? — Порывайко сорвался на крик. —

Отвечай, тварь, как девочку убил?

— Да не убивал я ее! — Олег вскочил и тут же, охнув от боли, присел. — Отвечаю — не убивал!

— Ну что ж, твоя линия поведения мне понятна, но не советую играть в несознанку. Улики убийственны, и тебе не отвертеться. Уверяю, я и с меньшими фактами людей по этапу отправлял. Поехали голубчики куда надо. — Порывайко поднял трубку внутреннего телефона. — Геннадий Семенович? Давайте заходите!

В кабинет вошел невысокий суетливый человечек. Быстро поздоровавшись, он сел рядом со следователем.

— Это дежурный адвокат. Геннадий Семенович Сурков. По закону вам положен защитник. Мы вам предоставляем бесплатного. Есть возражения? Или, может, у тебя есть свой защитник? — Порывайко уставился на Олега своими подрагивающими зрачками.

— Нет, у меня нет адвоката, — признался Олег.

— От помощи Суркова не отказываешься?

— Не знаю...

— Но тебе же нужен защитник? — напирал Порывайко. Ему было очень важно пристроить к Чернову своего, ментовского адвоката. — Или нет? Может, у тебя кто-то есть на примете? Давай телефон, позвоним, пригласим! Только тогда тебе придется посидеть в камере, пока он не придет. Так что даже если во время допроса выяснится, что ты не виноват, сегодня я тебя уже отпустить домой не успею. Или все

же начнем прямо сейчас? Ну, решай, позвонить? Или вообще отказываешься от защитника?

— Нет...

— Что нет? Адвоката нет или не нужен? — продолжал запутывать подозреваемого Порывайко. Такой метод помог, помимо внедрения «своего» адвоката, выбить преступника из равновесия. — Ну, решай, мне некогда здесь сидеть и ждать, пока ты определишься. Я думаю, что без него тебе вообще не выкарабкаться.

— Адвокат... нужен... — выдохнул Олег, стараясь не рухнуть со стула.

— Берешь Геннадия Семеновича?

— Да, — выдавил из себя Олег. Интуиция отчаянно подсказывала не брать Суркова, но нужно же как-то весточку о себе своим друзьям. — Беру.

— Вот и хорошо! Вы тогда условия между собой потом обговорите, я вам время на это дам, — пообещал Порывайко. Он был доволен. Одно дело сделано. Свой, карманный защитник к подозреваемому приставлен. Теперь и отсюда работа пойдет. — А теперь давай протокол писать. Фамилия?

Следователь быстро заполнил бланк протокола.

— Менять показания не будешь? — спросил он равнодушным голосом.

— Нет, я говорил правду, я...

— Ну и ладно, потом сам запросишься, — недобро ухмыльнулся Порывайко. — Значит, все так и пишем? Отказ

от всего?

— Позвольте! — впервые подал голос защитник. — А может, у моего подзащитного есть заявление? Может, у него психическое заболевание?

— Нет у меня заболеваний! — возмутился Олег. Не хватало еще, чтобы из него психа делали. — И не было никогда. Я не болен, я просто ни в чем не виноват.

— Да? — На лице следователя снова появилась кривая ухмылка. Олега от этой улыбки начинало трясти. — Я тоже думаю, что парень ты здоровый. Вот только увлечения у тебя странные. Чудовища с холодным оружием... Слушай, а может ты себя с ними ассоциируешь? Вот бы дядька Фрейд где пораздовался! Ну ладно, вернемся к протоколу.

Порывайко вынул из папки листок и положил перед Олегом:

— Вот этого ты рисовал?

— Да, но это всего лишь набросок. Эскиз...

— Всего лишь, — повторил старший следователь Порывайко, записывая. — Хорошо, так и фиксируем: «на вопрос о происхождении изображений, подписанных Черновым, сообщил, что рисовал ту же... сущность, что на клейме в виде ожога на теле жертвы».

Когда Чернова увели в камеру, Сурков посмотрел на Порывайко.

— Что скажешь, Витек? — спросил защитник. — Расколешь? Паренек крепкий.

— Не вижу проблем, — Порывайко усмехнулся. — То, что она ночевала у него, не отрицает. Да и выделения наши на его простынях, экспертиза проверит и наверняка нашу догадку подтвердит. Трахал он ее, вопросов нет. Это раз. Холодного оружия у него полная комната. Но главное — эти картинки... Там с башкой явно не в порядке. Сейчас эксперт колдует, ищет, чем это он Акопян заклеил. Силища невероятная, что тоже в картину вписывается. Три. Алиби у Чернова нет, говорит, что в дома спал. Но подтвердить свои слова не сможет. Четыре. Что еще нужно?

— Ну а если все же не он? — Сейчас Геннадий Семенович сидел, развалившись на стуле, и совсем не напоминал того жалкого типа, каким выглядел, входя в кабинет. Его уверенные повадки показывали, что он чувствует себя здесь среди своих. — Что, если кто-то другой это сделал?

— А кто?

— Да зачем ему девчонку уродовать, если они уже и так переспали? — указал адвокат на явную неувязку в постро-

ниях следователя.

— Да больной он, понимаешь, больной. А значит, его поступки логике не поддаются.

— Ну, под такое объяснение любого из нас подогнать можно, — скривился Геннадий Семенович. — Мне кажется, что ты не ту ниточку тянешь... вот бабки с него получить — это можно, а под дело подвести — вряд ли.

— Да ты посмотри на его рисунки! — следователь бросил на стол альбом и пачку листов. — Посмотри, посмотри! Это же... зверинец какой-то. Я таких даже представить не могу, а он этих монстров во всех деталях прописал. Как будто живьем их видел.

Адвокат с интересом пролистал альбом, посмотрел рисунки на отдельных листах.

— Мне этого не понять, — наконец сказал он. — А вот дочь, пожалуй, оценит. Дай мне их на вечер. Пусть посмотрит.

— Все не дам, возьми пару листов, — ответил Порывайко. — Я, пожалуй, тоже возьму, может, жена что посоветует, она у меня чертями всякими увлеклась, кучу книг набрала... Может вычитала где-то что-то подобное.

— Дай альбом, жадина, — засмеялся Сурков. — Ничего с ним не случится. Да и у тебя вон сколько остается. А завтра обменяемся мнениями.

— Ладно, только не потеряй, — согласился следователь. — Но альбом возьму я. Тоже хочу посидеть, подумать. Все-

таки подборку делал сам Чернов, и для психологического портрета это даст больше. А ты возьми эти... Но смотри, только на одну ночь.

Геннадий Семенович взял рисунки и направился к выходу. Не доходя до двери, он вдруг повернулся.

— А что ты будешь говорить, если убийства повторятся?
— спросил он. — А Чернов-то в камере!

Глава 4.

— Нина, смотри, что я тебе принёс! — с порога закричал Геннадий Семёнович. — Только не порви, завтра отдать нужно.

Девушка встряхнула хорошенькой головкой. Пушистые волосы пшеничного цвета мазнули по лицу. Ладненькая, чуть ниже среднего роста, она училась на третьем курсе юрфака и уже знала, что скоро станет официальной помощницей отца.

Вот как, значит, отдавать придётся? Что же там такого ценного?

Дежурно чмокнув отца в щёку, Нина нетерпеливо выхватила прозрачный файл с листами ватмана. На ходу вытаскивая рисунки, вошла в свою комнату. Небрежно пролистала, держа пакет за краешек, и в недоумении остановилась. Что за ерунда? Ей эти картинки зачем?

Перевела взгляд на сервант. Там, за стеклом, рядом с чешским хрусталём, красовалась пустая золотисто-алая коробочка от «Авиценны». Мать хранила её как трофей — символ дорогого омоложения, которое папа оплатил год назад. Уколы делала вся семья, даже не нуждающаяся в омоложении Нина — на всякий случай. Может, так совпало, но сессию тогда удалось сдать на отлично.

Девушка потеряла воротник халатика — в комнате было душно. Взгляд вновь вернулся к пустой упаковке чудо-средства, и коробка сейчас почему-то казалась Нине необычайно яркой, почти пульсирующей в сумерках.

Чтобы получше рассмотреть, что же так заинтересовало отца, Нина потянулась к выключателю. Скользкий пакет, зажатый между пальцами, поехал вниз. Девушка дёрнулась — поймать! — но поздно. Вспыхнувшая люстра осветила беспорядочно разлетевшиеся по полу рисунки.

Вот безрукая! Папа же предупреждал.

Всплеснув руками, Нина стала быстро собирать листки. И вдруг замерла.

На неё смотрело — да-да, именно смотрело — странно знакомое и незнакомое существо. Как такое возможно? Ведь знакомым бывает тот, кого ты уже видел, а Нина могла поклясться, что этого существа никогда раньше не встречала. И всё же уверенность росла: она знала эти глаза.

Выпуклые, с тонкой сеткой прожилок, они обжигающе властно притягивали её взгляд. В какой-то момент Нине показалось, что по кончикам пальцев, сжимавших ватман, прошёл слабый электрический разряд. Зрачки монстра не просто «ожили» — они вибрировали на такой частоте, что у Нины заныли зубы. Это не было похоже на страх перед неизвестным. Скорее — странный резонанс, когда тело внезапно узнаёт чужеродный, но пугающе логичный код.

Нет, конечно, всё это почудилось!

Сердце, не подчиняясь отсутствию внешней угрозы, стало отбивать морзьянку.

Да что со мной? Ну-ка соберись! Нашла проблему — макулатура рассыпалась!

Лихорадочно собрав рисунки, Нина сунула их в пакет и уже собралась бросить на стол, но что-то её удержало. Она вдруг поняла, что не может этого сделать.

Как это так: взять и не посмотреть остальные? И вообще, чего это она так... возбудилась? Что случилось? Откуда эта истеричность? Ну, увидела страшные глаза — художник, видимо, талантлив, сумел придать реалистичность фантазии. Но суть не меняется: лист бумаги остаётся листом, не более.

Нине ужасно захотелось рассмотреть того, чей взгляд её так поразил. Не трусиха же она, в самом деле, чтобы страшилок пугаться. Фильмы-ужастики смотрит — и ничего. А тут какие-то картинки.

Пролистав рисунки теперь уже внимательнее, она нашла наконец тот, с которого началось наваждение.

Это был роскошный монстр. Точнее, только его голова. Человеческое лицо уродовали толстые рогообразные костные наросты со сложным рельефным рисунком. Они шли от центра лба и, обвивая его венцом, уходили к затылку. За ушами нарост резко спускался вниз и достигал мощных мышц шеи. Демонический взгляд из-под нависших прямых

бровей увеличенного рогоми лба удивительно гармонировал с грозно-чарующим обликом.

Высокие скулы, широкий, почти безгубый рот и удлинённый подбородок завершали портрет. Нине было понятно: перед ней не плод воображения, а фиксация реальности — биологический факт, который не должен был существовать, но смотрел с листа с властным спокойствием высшего разума. Не персонаж из сказок. Нечто гораздо более древнее и системное. Искусная рука художника сумела игрой света и тени придать чёрно-белому рисунку объём... Да что объём! Рисунок был выполнен с такой мощной реалистичностью, так тонко проработан до малейших деталей, что монстр, казалось, вот-вот оживёт.

— Мамочка! — сдавленно проговорила Нина. К страху, воцарившемуся в душе, примешивался восторг — ведь она была уверена, что бояться нечего, что на самом деле ей ничто не грозит.

— Что, дочка, и тебя зацепило? — услышала она голос отца.

Нина даже не заметила, что он зашёл в комнату. Геннадий Семёнович стоял в дверях и с любопытством наблюдал за любимицей.

— Каков художник, а, Нинка? Нравится?

Девушка молчала. Ей почему-то не хотелось, чтобы отец увидел того, кто привлёк её внимание. Медленно, как бы машинально, она взяла следующий рисунок. Силач с кабаньей

головой. Раздутые мускулы не произвели впечатления — она быстро взяла другой листок. Этот монстр тоже был не в её вкусе. Печальные глаза над козлиной мордой, мохнатое лицо, всё тело покрыто густой шерстью. Фу, этот совсем не нравится.

— Нет, не очень, — ответила она наконец. — Разве что вот этот.

На картинке был ягуарочеловек. Рельефные, но не тяжёлые мышцы, пластичная и гибкая фигура. В руке чудовища, поднятой над пятнистой головой, был зажат меч с закруглённым чёрным лезвием. Другая рука выброшена вперёд. Грозные когти, которыми заканчивались пальцы человекозверя, казалось, вот-вот вцепятся в противника. Мгновенный взмах — и голова врага покатится по земле.

— А знаешь ли ты, кто нарисовал всех этих... — Отец замолчал, подбирая название.

— Монстров? — подсказала Нина.

— Пусть будут монстры, — согласился Геннадий Семёнович. — Так вот, знаешь ли ты, кто автор этих рисунков?

— «Чернов», — прочитала она подпись.

— Да, — подтвердил Сурков. — Мой подзащитный.

— Как это — твой подзащитный? — удивилась Нина. — Его что, за эти картинки судить будут?

— Нет, что ты, за картинки у нас не сажают, — со вздохом ответил адвокат. — Пока не сажают. А судить его будут за убийство. Говорят, девчущку одну... убил. Любовни-

цу свою. Только непонятно как — изнутри она как варёная, понимаешь? Эксперты говорят: органы в кашу, а на коже ни синяка. Только клеймо выжжено — точь-в-точь как на этих рисунках, только маленькое. Как негатив.

— Как любовницу? Может, он её изнасиловал?

— Нет, не думаю. — Сурков печально кивнул. — В квартире у Чернова следов борьбы не обнаружено. Хотя что ему стоило сломить сопротивление? Бедняжка была в руках убийцы как игрушка.

— В каком смысле? Он что, недоразвитый? — В студентке юрфака проснулся профессиональный интерес.

— Да уж, конечно, недоразвитый! — усмехнулся Сурков. — Ещё какой развитый! Здоровенный бугай! И сильный — сидеть рядом страшно. Ну вот как эти его монстры.

— Я имела в виду умственное отставание, — терпеливо пояснила Нина. — Эти рисунки...

— Может быть. — Защитник и сам подумывал о таком варианте. Но пока что со стороны задержанного с ним никто не связывался, гонорар за адвокатские услуги не предлагал, а потому и говорить о таком ходе защиты было рано. Вот пойдут деньги — тогда и о методах поговорить можно будет. — Да, умница моя, вполне возможно, что я приму твою версию за рабочую. — Сурков ласково улыбнулся. — Но потом, не сейчас. Ну да ладно, давай посмотрим, что нам мать поесть приготовила.

Отец скрылся на кухне.

Не удержавшись, Нина быстро выхватила картинку с чудовищем. Вгляделась в глаза существа.

Так вот кто тебя создал! Убийца? Это меняет дело! Может, это отображение его души? Может, это предвестник преступления? Вот бы на кафедре показать! Юрий Иванович был бы доволен! А что, если и вправду показать рисунок? Но как, если отец завтра должен отнести его назад? Подожди... а если сбегать к Вике? У её отца целый офис на дому — и компьютер есть, и комбинированный принтер с копировальным устройством.

Нина действовала почти в беспамятстве. Она не просто хотела показать рисунок — внутри неё ворочалось странное, почти физическое требование: размножить, сделать себе копию. И смотреть на неё, когда никто не увидит.

Схватив листки в охапку, она выскочила из квартиры.

Вика открыла почти сразу. В квартире пахло модными духами и озоном работающей оргтехники.

— Инна, есть хочу — сил нет! — Порывайко приехал домой голодный как волк. В сегодняшней суматохе так и не нашёл минутки перекусить. Утром не хотелось, а потом всё так завертелось, что только подъезжая к дому, он вспомнил

о пустом желудке.

— Инночка, поторопись! Для тебя я сейчас страшнее роты пьяных ээсовцев! — прорычал он, счастливый и злой. Счастливый оттого, что есть жена, которая любит и ждёт. Злой — потому что некогда нежиться в её объятиях, вместо этого приходится целыми днями общаться со всякой мразью. Такой, как сегодняшней Чернов.

С женой Виктору повезло, высокая, статная, красивая, она могла блистать в мире моды, но почему-то выбрала жизнь первая красавица выбрала именно его — старшего следователя одного из московских районов.

— Если не накормишь — умру прямо на пороге нашей спальни! — закричал Порывайко.

— Ужин давно готов. — Инне всегда доставляло удовольствие кормить мужа, но почему бы при случае и не поворчать? Ее серо-голубые глаза сверкнули. — А там тебя что, не покормили?

— Где там? — опешил Порывайко. — А, опять бабские заходы! Инка, на грубость нарываешься? Я сегодня столицу от маньяка избавил, а тут в собственном доме никакого почтения!

Порывайко схватил сосиску, засунул в рот и, почти не разжёвывая, проглотил.

— Маньяка? Это какого ещё... — Тут Инна заметила, что делает муж, и в притворном возмущении вскинула руки. — Витя! Ну как маленький ребёнок! Иди хоть умойся, а то по-

сле ваших уголовничков подхватишь какую-нибудь заразу.

— Бегу! — Виктор с полным ртом потрусил в ванную.

Выйдя из ванной, Порывайко шумно засопел, втягивая упоительный запах с кухни. Копчёные сосиски с отварным картофелем и солёной капустой. Да это же его любимое блюдо!

— Инночка, теперь бы ещё грамм сто! — Порывайко просительно посмотрел на жену.

Инна заранее знала, что так и будет, — в морозилке уже охлаждалась бутылка кристалловской. Но не сдаваться же сразу?

— Это с какой такой радости? — спросила она, изображая недовольство.

— Как с какой? Ты что, не понимаешь? — Муж приосанился. — Я же такое дело раскрутил. По горячему. Прямо с колёс, в день совершения. Видела бы ты этого зверя!

— Ты не шутил про маньяка? — Инна замерла с тарелкой в руках. В её глазах, обычно искрящихся смешливым авантюризмом, промелькнуло нечто иное. Тёмное, глубокое. Она обладала редким даром — чують опасность за версту, и сейчас интуиция буквально завывала.

— Какие там шутки. — Виктор тяжело опустился на стул. — Зверюга. Но мы его взяли. Я его лично в камеру закрывал.

— Рассказывай. Только без этих твоих ментовских прикрас. Как он выглядел?

Виктор засмотрелся на жену. В такие минуты она не ка-

залась ему просто «домашней Инночкой». В её осанке, в том, как она по-кошачьи склонила голову, было что-то властное. А эти серо-голубые, словно подсвеченные изнутри глаза? Нет, с женой точно повезло.

Порывайко выпил рюмку, чувствуя, как по телу разливается тепло.

— Странный он. Сидит, молчит, в точку одну смотрит. А в альбоме у него... — Виктор кивнул на прихожую, где лежал дипломат. — Там не рисунки, там чертежи кошмаров. И знаешь, что самое паршивое? Когда я рядом с ним стоял, у меня загривок дыбом встал. Как перед грозой.

Инна медленно вытерла руки о фартук. Она уже не думала о сосисках. Её тянуло к этому дипломату, как магнитом.

— Самый настоящий маньяк. Взял девчонку, а потом... — Виктор поморщился, подбирая слово. — В общем, спёк её. И заклеймил. Эксперты глазами хлопают, а я смотрю и думаю: это ж сколько в человеке злобы должно быть, чтоб так реальность вывернуть?

— Да ну?! Как же вы его поймали? — У Инны мороз по коже пробежал. Маньяки были где-то там, в сводках новостей. А теперь этот — почти рядом. Через мужа, но всё равно... страшно. И оттого, что теперь он пойман, — возбуждающе-приятно. А то, что поймал изверга её муж, — вообще восторг!

— Служебная тайна, — строго сказал Виктор. — Но за сто грамм готов продаться и выболтать жене все подробности.

Инна, лукаво улыбнувшись, достала бутылку. Белёная от инея, она тяжело стукнулась о стол.

— Я всегда знала, что ты себя проявишь, — сказала она с восхищением. — Так оно и произошло. Я так рада!

— Может, рюмочку со мной? — предложил Порывайко. — Одну! А то ничего не узнаешь!

— Давай, — махнула рукой жена. — И рассказывай, не томи.

Виктор медленно, с чувством наполнил две рюмки.

— Жди теперь, Витёк, повышения! — поздравил он сам себя. — За тебя, очередная моя звёздочка!

— Чтоб сбылось! — поддержала жена.

Оба выпили. Виктор крикнул и зачерпнул капустки, а Инна сразу схватилась за горячую сосиску.

— Представляешь, — начал он рассказ, — оружия у него в доме — что в твоём музее. Топоры, сабли, даже мечи есть! Ребята всё притащили, так там один двуручный был. С одним большим клинком и двумя маленькими. Таким махать, знаешь, сколько силы нужно?

— Так ты же говорил, что маньяк ваш здоровый как бык! — напомнила Инна. — И много он так женщин погубил?

— Пока не знаю, завтра запрос разошлю... — Виктор удивился, почему сам об этом не подумал. — Может, и в других местах отличился. Представляешь, у неё даже глаза как варёные! Мутные, выступают наружу, будто что-то давит их изнутри...

— Ужас какой! — Инна всплеснула руками. — Изнасил-вал, наверное? Зверюга и извращенец!

— Он говорит, сама дала, по любви. — Виктор под шумок налил по второй. — Врёт, конечно! А вообще, экспертиза покажет, как оно было — по любви или нет. Ну, давай, за неё, за любовь!

Теперь Виктор выпил, не дожидаясь жены.

— Ты знаешь, он вообще со странностями. Таких чу-дищ рисует... — продолжал Порывайко, закусывая сосис-кой. Ему нравилось, что Инна слушает с таким восторгом. — Я тебе принёс глянуть, в дипломате лежат...

Договорить Виктор не успел. Зазвонил телефон. Кому это приспичило в такое время?

— Слушаю вас! — сказал он в трубку. — Да, Порывайко! Да! Выезжаю!

В полутёмной камере Олег с трудом нашёл свободное место и осторожно, стараясь не делать резких движений, присел. Кружилась голова, тошнило, и страшно хотелось спать. Надо было поздороваться с сокамерниками, но он боялся: стоит открыть рот — и тут же вырвет. Только этого не хватало. Здесь и так не продохнуть от вони — отвратительный запах параша и давно немых тел. Прислонившись спиной к стене, Олег постарался сосредоточиться и взять себя в руки.

— Эй, умер, что ли? — раздалось над ухом. Кто-то потряс за плечо. — По какой статье зашёл?

Олег, не в силах ответить, провёл рукой по горлу.

— Отстань от человека! — послышалось из глубины камеры. — Видишь, его как дуплили. Мусора половину здоровья отняли.

— Видать, доказательств маловато, — отозвался ещё один. — А может, на вшивость пробивают. Вдруг поплывёт — вот на него всяки и спишут. Меня тоже первую неделю каждый день били.

— Не гони, они по ночам бьют, — возразил другой сокамерник.

— Ну, правильно, каждую ночь и били, — без споров согласился говоривший. — Просто я выразился так. Сначала

на делугоу подписывали, а потом просто заставляли кого-нибудь на районе сдать. Кого угодно! Что знаешь, мол, то и рассказывай. Убивали, суки ментовские...

— Это у них называется контролировать оперативную ситуацию, — подал голос ещё один. — Тихари ленятся сами работать, вот и выколачивают информацию у тех, кто в камеру попал. Заодно и удары отрабатывают.

Олег закрыл глаза, прислонив голову к холодной стене. Вступать в разговор не было ни сил, ни желания. В душе — пустота. Странно, но факт гибели Карины — той, что была в его объятиях прошлой ночью, — всё ещё не укладывался в сознании. Возможно, будь известие иначе — не сквозь боль и побои, — оно ударило бы сильнее. Но разве мусора умеют иначе?

Болели все мышцы. В голове гудел рой — мыслей много, но ни одну до конца додумать не получалось. Почему все думают, что это он убил девушку? Почему ему не верят? Только из-за того, что они с Кариной переспали? Да каждую ночь кто-то с кем-то спит.

Чёрт возьми, почему Карина его не разбудила? Проводил бы её — и она наверняка осталась бы жива. И уж точно рисунок остался бы дома и не вывел бы ментов на него. И зачем только она его утащила?

Рисовал Олег всегда, сколько себя помнил. И действительно только шариковой авторучкой. Здесь молва не врага — ничего другого он не признавал, хотя перепробовал

всё: от карандашей до пастели. Зато рисовал много и никогда не бросал работу незаконченной. Всех, кто видел его рисунки, поражали точность изображения, тщательная проработка деталей и искусная подача теней — они у Олега становились цветными. Способности не остались незамеченными. Мама показала рисунки в художественной школе, и его приняли сразу в четвёртый класс. Ему прочили большое будущее, но отец, который и думать не хотел ни о чём, кроме арены, решил иначе.

Школа и занятия спортом отнимали у маленького Олежка столько сил и времени, что стало не до рисования. А потом пошла взрослая жизнь — надо было самому зарабатывать на жизнь. Какое тут искусство! Пришлось вместо него заниматься реставрацией...

Олег очнулся оттого, что пошевелился, — резкая боль напомнила о страшных реалиях сегодняшнего дня. *Сколько же он пробыл в забытьи? Час? Два? Судя по тому, как онемели мышцы, — довольно долго. Интересно, сколько там натикало? Часы отобрали вместе с остальными вещами, так что он не имел понятия, который час. Вечер? Нет, скорее ночь — допрос кончился поздно.*

Как же могло так получиться, что он оказался в камере? Почему он должен отвечать за то, чего не совершал? Почему всё это произошло именно с ним? Почему всё так?

Стоп! Остановись. Не накручивай себя. Нельзя раскидывать. Есть же способ уйти от боли и неприятностей. Он

не один. С ним его... монстрики. Те, которые с детства помогали ему и которых он всю жизнь рисовал. Они ни разу не предали своего Олежку, всегда понимали и подбадривали. Даже когда мама ругала и наказывала, они приходили, утешали, принимались играть с ним и рассказывать о других мирах и звёздах.

Олег прислушался. Они всегда ждут. Достаточно только отправиться в путешествие... Уйти в пустоту...

— НЕ БОЙСЯ, МЫ С ТОБОЙ. МЫ ИДЁМ К ТЕБЕ.

Олег вздрогнул. Голос не звучал в ушах — он вибрировал прямо в костях черепа, как ультразвук. И это было так знакомо...

Словно вернулся в детство — в ту пору, когда ныне покойный отец стал наказывать его стоянием в тёмном углу. Тогда маленькому Олежке казалось, что в пустоте зажмуренных глаз всплывают странные, детальные картинки воображаемых существ, приходящих с ним поиграть. Он называл их «мультиками» — детский разум не мог подобрать другого слова для этих сложных, логичных структур. Тогда они были просто плодом воображения, тихими спутниками, помогавшими пережить боль. Позже он стал их рисовать. Но сейчас... сейчас они обрели голос.

— Братва, слышите? — донёсся чей-то встревоженный голос. Реальный, наяву.

Олег открыл глаза. Один из сокамерников поднялся с нар:
— У мусоров что-то не то происходит.

— Да ладно, не гони, спать только мешаешь, — раздражённо пробормотал тот, кто ранее вступился за Олега. — Мало ли что они там придумали? Нажрались, вот и...

Здание вдруг содрогнулось — будто колоссальное животное от укуса блохи. Из коридора донёсся низкий, inferнальный гул. В один миг одна за другой полопались лампочки, осыпая пол стеклянным градом. У Олега заложило уши, а в грудь будто холодный камень положили — сердце на долю секунды замерло. Ему вдруг стало невыносимо тесно в собственной грудной клетке.

Позади заскрежетало так, что показалось — с него самого живьём сдирают кожу. Олег обернулся: в свете тусклого аварийного освещения стальная дверь камеры пошла гармошкой. И продолжала сжиматься! Словно под невероятным давлением, она выгибалась, трещала, а затем раздался раскатистый грохот — бетон в местах крепления не выдержал и разлетелся. К счастью для сидельцев, дверь вместе со стальной рамой не упала — только накренилась, открывая сверху узкую щель на волю.

— Эт-то-о ч-ч-что? — заикаясь, спросил кто-то в глубине камеры.

Олег даже не успел заметить, как все обитатели оказались в дальнем углу.

— Землетрясение, — буркнул другой. — Дверное.

— Ну да, — отозвался следующий. — Ремонт, наверное, начался.

— Ты чего лепишь, какой ремонт посреди ночи! — прикрикнул тот, кого называли Вованом. — Кто так ремонтирует? Нас бы в другое помещение перевели.

— Да тихо вы! — шикнул тот же голос. — Слышите, вроде закончилось.

Действительно, в коридоре наступила тишина. Да ещё какая! Опасливо поглядывая на дверь, кто-то из самых нетерпеливых подобрался к пролому. Заглянул в коридор... и отпрянул. Снова приник к щели.

— Братва, вертухая замочили, — прошептал он.

— Гонишь! — не поверил Вован. — Дай я гляну.

В луче света, пробивавшемся в камеру сквозь щель, Олег разглядел говорившего. Невысокий, молодой, спортивного сложения, тот быстро заглянул в коридор.

— Вареник! Ты где мента видел? — спросил он.

— Ты вниз, вниз посмотри, — сказал тот, кого назвали Вареником.

— Ну, вижу... Лежит... Но кто это — не видно. Ноги только торчат. Башмаки, правда, мусорские...

— А красный кант на штанах видел? — не унимался Вареник. — И кто ещё там мог быть, как ни мусор?

— Да как ты в такой темени что-то различить можешь? Ну-ка все отошли в сторону!

Любопытный Вован, стараясь заглянуть подальше, налёг на то, что осталось от двери. Искорёженная рама поддалась, и страшный скрежет упредил падение массивной конструк-

ции. Это дало возможность вовремя отскочить всем, кто столпился рядом. Вновь поднялись клубы пыли.

— Нет, ну что за... — кашляя, возмущился стоявший рядом с Олегом арестант.

Но тут такой же грохот раздался из соседней камеры. Все в недоумении застыли. Неугомонный Вареник высунулся в коридор.

— Вован! В натуре, это засада! — закричал он. — Во всех хатах калитки выбили. Висят, как у нас. Висела... Гадом буду, на кипиш нас подписывают!

— Да не пыли ты! — разозлился спортсмен. — Дай подумать!

— А я ничего, — сник Вареник. — Только стрёмно всё это.

— Мусора завалили! — закричали из соседней камеры. Видимо, и там увидели труп в коридоре.

Раздался грохот ещё одной падающей двери, по коридору ударил вопль. Всё же кому-то не повезло.

— Человека задавило, врача в хату вызывайте! — пронеслось по коридору. Братва с ходу сообразила, что появился повод пробить ситуацию. — Дежурный! Что за дела? Врача давай! Лепилу давай! Человек помирает! Почему никого нет?

— Врача! Врача вызывайте! — кричали голоса. — Да что происходит? Вымерли все, что ли?

— Вареник, беги на пост, с понтом врача нужно, — при-

казал шёпотом Вован. — Цинканёшь оттуда, что и как. А если что...

Варенику и самому уже невтерпёж было стоять на месте. Он быстро выскочил и побежал по коридору.

— Врача, человека убило! — заорал он на всякий случай.

Вован покачал головой, минуту подождал и, не выдержав, тоже вышел в коридор. За ним потянулись другие.

— Смотри, как его! — воскликнул один из заключённых. — Да его же башки лишило! Вован, смотри, у мусора в натуре головы нет!

— Ну ни хрена себе, — протянул Вован. — На подставу непохоже. Это точно мусор, Равиль его зовут. Вредный... был. Хрень какая-то, но на подставу не похоже — не будут же мусора своих мочить? Тут что-то не то.

В это время в конце коридора появился Вареник.

— Братва! Валим отсюда! — заорал он. — Всех мусоров мочканули! У кого голову оторвало, а кого потолком придавило! Всех! Сейчас ОМОН или СОБР налетит. Если нас прихватят — расшмаляют и разбираться не будут.

В том, что говорил Вареник, был свой резон. Озверев от гибели коллег, менты могли в любой момент устроить беспредел.

— Так, только уходим все! — скомандовал Вован. — Чтобы никто не остался! А то потом на тех, кто подорвался, всё и спишут. А так — не захотели попадать в непонятки, вот и ушли.

— А как же новичок? — спросил тот, кто стоял рядом с Олегом. — Сам он не выйдет.

— Вынесем. — Вован вошёл в роль лидера. Он незаметно поднял пистолет, валявшийся рядом с трупом. — Эй, братва, вываливайтесь из хат и уходим. Миша, бери людей и вытаскивай этого.

Лидер кивнул на Чернова.

Олег не стал ждать помощи и начал подниматься. От боли потемнело в глазах, сознание помутилось. Почти ничего не понимая, он позволял тащить себя по коридорам, автоматически переступая через пороги и поворачивая вслед за теми, кто его тащил, подхватив под мышки. Если б они его выпустили — он бы рухнул на землю. Глаза были закрыты. Открыть их просто не хватало сил. Работали одни только ноги.

Он не понял, как оказался на свободе. Его теребили, о чем-то спрашивали, он что-то отвечал... Затем просто потерял сознание.

Глава 5.

Чернову снилась Илса. Она была в тонком черном свитере-гольфе и в голубых джинсах. Девушка сидела в старинном кресле с прямой спинкой и читала книгу. Кресло стояло боком, и Олег имел возможность, не тревожа Илсу, вдоволь любоваться ее красотой. Хорошая чистая кожа, идеальный подбородок, по-девичьи пухлые губки и небольшой, правильной формы нос... В очередной раз подтвердилось его давнее наблюдение: если человек по-настоящему красив, то ты каждый раз находишь в нем что-то новое, что-то еще более привлекательное, ускользнувшее от твоего взгляда ранее. В первую встречу его привлекли ее глаза, а сейчас... все привлекает.

Нет, нужно отвлекаться. Интересно, что она читает?

Олег и сам любил книги. Впрочем, наверняка в его сне она читает то же, что он читал ранее.

А что читает она наяву? Фантастику? Детективы? Классику? Только не любовные романы...

Мышцы спины затекли, Олег начал было поворачиваться на бок, но его пронзила такая острая боль, что он, не сдержавшись, застонал. И тут же Илса оказалась рядом с ним. Ее теплая рука легла на лоб, и Олегу сразу стало легче. Черт с ней, с этой болью, лишь бы сон не кончался! Хотелось пить,

но Олег решил перетерпеть, чтобы не спугнуть чудесное видение. Однако его пересохшие губы сами пошевелились, и это не ускользнуло от внимательного взгляда заботливой сиделки. Девушка вышла из комнаты и тут же вернулась с чашкой в руке.

— Пей, это тебе поможет, — услышал Олег ее теплый грудной голос. Такой родной, такой желанный! — Давай я тебе помогу подняться...

— Какой сон хороший... — пробормотал Олег еле слышно и сразу испугался: вдруг он проснется и окажется в камере?

Видимо, эта мысль отразилась на его лице.

— Олег, все хорошо, — ласково, как маленькому ребенку, сказала Илса. — Я объяснила маме, что ты друг и я...

Маме? А при чем здесь мама? Следовательно не послушает никакую маму... Это же мусор — ему нужно быстрее дело закрыть, а не виновного искать. Этот слизняк с дрожащими глазами уже все для себя решил, и теперь его ничто не убедит, что Олег не убивал Карину... Господи, Карина! Как же он забыл о вчерашнем... Наверняка Илса уже знает о ней!

— Олег, ты меня слышишь? — Погруженный в свои мысли, Олег не сразу услышал голос Илсы. — Олег, ответь!

— А разве... я не сплю? — удивился он.

Илса, отпаивая Олега настоем из неизвестных ему трав, рассказала, как они с мамой перепугались, когда ночью неиз-

вестные люди привезли его и, позвонив в дверь, убежали! Мама долго не решалась открыть. Когда же они, наконец, набрались смелости и выглянули в коридор, то, увидев окровавленное лицо Олега, сидевшего, прислонившись к стене, не сразу узнали его. А узнав, еще больше испугались. Точнее, испугалась Илса. Алла Рихардовна, наоборот, словно бы напрочь забыла свою нелюбезность, выказанную при первом знакомстве. Она так рьяно взялась оказывать помощь, что Илсе почти ничего делать не пришлось.

— Подожди, я не понял! Так я у вас дома? — растерянно проговорил Олег, озираясь.

— Ну конечно! — Илса засмеялась. — А ты думал где?

— Я вообще ничего не думал, — ответил Олег. Он был ошеломлен, — Мне казалось, что я сплю. Но как я оказался здесь? Точнее, почему я здесь? Кто меня сюда притащил?

Теперь настал черед удивляться Илсе.

— Это ты у меня спрашиваешь? И вообще, может, ты объяснишь, что с тобой произошло?

У Олега перехватило дыхание, он чувствовал себя так, будто пропустил мощнейший хай-кик и теперь он летит в бездонную пропасть. Он тоже ничего не помнил! Помнил, как проспал, помнил, как его арестовали, помнил, как били — такое вряд ли забудешь! А вот как он оказался на свободе, и не просто на свободе, а здесь, у Илсы?

Она же сказала — принесли какие-то люди... Сокамерники? Больше никому. Но почему сюда? Почему не домой или

к Игорю? Да куда угодно, только не сюда! Ведь придется рассказать хозяевам обо всем, что с ним произошло, а как рассказать о Карине? О ночи с ней, о том, что его подозревают в ее убийстве? На том основании, что... Нет, лучше назад в камеру.

В камеру? Знать бы еще, как он из нее вышел! А может, это ребята подсуетились? Игорь, Лешка... Нет, тогда бы они его уж точно сюда бы не привезли.

Черт, как все сложно!

— Так ты совсем ничего не помнишь? — спросила Илса, нарушив затянувшееся молчание.

— Мне нужно позвонить, — сказал он. — Игорю или Лешке... Может, они что-нибудь слышали. Девушка кивнула:

— Хорошо, я сейчас принесу телефон. Правда, не знаю, хватит ли шнура...

Номер Алексея не отвечал. И в этом Олегу повезло — телефон друга уже был поставлен на прослушивание. Массовый побег и гибель нескольких милиционеров — достаточный повод чтобы ФСБ взяло под пристальный контроль всех, кто имел хоть какое-то отношение к Чернову. То, что адреса Илсы и ее номера телефона не оказалось в списках, объяснялось просто — она и ее мать только недавно вернулись в Москву, и об их знакомстве с Олегом еще никто не знал.

Не дозвонившись до Лешки, Олег набрал рабочий телефон Игоря. Нефтяная компания, в которой тот работал, на-

ходила под высокой «крышей», и без особого разрешения прослушивать рабочее место Смолы не стали — с этим Олегу тоже повезло.

— Слушаю вас! — Смоленский всегда так отвечал на звонки.

— Игорь, это я.

— Олег?! — По голосу чувствовалось, что друг не ждал его звонка.

— Что, удивлен? — спросил Чернов. Что-то в голосе Игоря ему не понравилось. Может, долгая пауза?

— Ну еще бы! — голос Смоленского дрогнул. — Про тебя здесь такое говорят! Лешка сейчас у них на допросе. Меня, наверное, тоже вот-вот вызовут. Верке уже звонили, просили прийти.

— У кого у них?

— Ну, у этих... что, сам не понимаешь?

— Игорь, кончай, толком скажи, мне не до загадок, — сердито проговорил Олег.

— Да я точно не знаю. — В голосе Игоря звучала растерянность. — Может, в прокуратуру, а может, в ФСБ...

— Что? ФСБ? — оторопело переспросил Олег. — Ты в своем уме? При чем здесь они? Ты еще ГРУ вспомни! Или СВР!

— А ты не в курсе, что произошло с Кариной? Да от этой истории весь город на ушах стоит! — взорвался Смоленский. — Ты ведь спал с ней?

— Да! Но она, — Олег посмотрел на застывшую в кресле Илсу. Их глаза встретились. И Чернов увидел в них столько терпеливого ожидания, когда же он наконец все ей объяснит, столько предчувствия беды, что смешался и не стал продолжать дальше.

— Я не делал того, что мне приписывают, — сказал он больше ей, чем Игорю.

— Мы-то верим, — выдохнул Игорь. — Но вчера, когда выяснилось, что тебя забрали в мусарню, мы попытались узнать детали. Нас не пустили, но тебе инкриминируют такое, что шансов вытащить на подписку нулевые. Решили, что с утра займемся поисками адвоката. А ночью... почти утром менты приехали к Тарасу домой, искали тебя. Спрашивали, к кому еще ты мог поехать, но ни Лешка, ни Вера не сказали ничего. Даже обо мне промолчали, хотя вполне могли, я же не при делах... Ой, Олег, не подумай, я просто не так выразился. Короче, Тараса вызвали на утро! Думаю, что скоро за мной приедут, поэтому не спрашиваю, откуда ты звонишь.

— Игорь, отвечаю, я не делал этого... — Олега снова накрыло чувство нереальности, как в нескончаемом кошмаре. Голос прозвучал хрипло.

— Олег, а как ты оказался на свободе? — вопросом на вопрос ответил Смоленский. — Я не спрашиваю подробностей... Ответ одной фразой: бежал, отпустили, откупился...

— Чем? У меня денег-то... — Олегу вспомнились радостные лица милиционеров, когда они выворачивали его кар-

маны. Хотя это были лишь жалкие остатки — большая часть денег исчезла еще до изолятора. Наверное, вытащили, когда он был без сознания. — Все, что заработал с твоей помощью, менты забрали. Нет, если бы удалось откупиться... Знаешь, после допросов я...

Олег бросил взгляд на Илсу. Хотя он понимал, что девушка наверняка видела на нем следы побоев, признаваться в том, что его били, не хотелось. Как это унижительно...

— Короче, я в камеру попал в таком состоянии, что толком не помню, что дальше было, — сказал он. — Даже как к... сюда, откуда звоню, как попал, не помню.

— Олег, дружище, то, что ты говоришь, еще больше ухудшает твое положение, — с испугом проговорил Игорь. — Там в отделении настоящая бойня. Всех сотрудников перебили. И говорят, способ похож на тот, что с Кариной. Понимаешь? И в обоих случаях замешан ты...

— Значит, и ты мне не веришь? — вспылил Олег. — Я же говорю тебе — я не делал этого! Ни ее, ни ментов я не убивал!

— Остановись! Мы верим! — перебил Игорь. — Но нас никто не услышит! За тобой уже ФСБ охотится. Олег, быстро говори, что я могу сделать, кажется, за мной приехали! Внизу две «волги».

— Игорь, послушай... — Олег заставил себя сосредоточиться. — Сходи в гараж. Ключи у соседей. В квартиру не лезь, а в гараже за ящиком... там чекан лежит. Инструмент

мой, на топорик похож. Отдай его Иванычу, я у него брал. Не хочу, чтобы менты его нашли и пришили мне как оружие. Выручи, не поленись.

— Слушай, Олег, тебе сейчас о себе думать надо, а не об Иваныче! — изумился Игорь. — Какой, к черту, чекан? Тебя ФСБ ищет, а ты об инструменте печешься!

— Игорь, это не моя вещь, — глухо, но твердо перебил Олег. — Я обещал вернуть — значит, нужно вернуть. Мало ли как все повернется, не хочу должником оставаться. Выручи, не поленись.

— Да ты о чем говоришь! — сменил тон Смоленский, поняв, что для Олега это вопрос принципа. — Сегодня же все и сделаю. И еще. Наверняка тебе нужны деньги. Давай я... Хотя нет, не я, за мной следят. И за Лешкой тоже... Сделаем так: записывай номер. Это Жак. Скажешь, что от меня, он даст сколько нужно. Меня не ищи, наверняка прослушку установят. Связь будем держать через того же Жака. Все, держись и помни — мы верим...

В трубке раздались короткие гудки. Олег медленно положил трубку. Ему ужасно не хотелось поднимать голову и встречаться глазами с девушкой.

— Олег, что все это значит? — спросила Илса. — Тебя обвиняют в убийстве?

— Илса, я не убивал, — севшим голосом произнес Олег. — Я не знаю, каким образом оказался здесь, у тебя, но понимаю, что не должен был приходить сюда! Я сейчас уйду...

— Никуда ты не уйдешь! — не громко, но твердо ответила Илса. — Это же самоубийство. В таком состоянии я тебя не отпущу. Но в то же время, я думаю, что имею право знать о происходящем. И с чем нам придется столкнуться.

— Нет, я должен идти. — Олег приподнялся и, почувствовав приступ головокружения, замер.

— Прекрати говорить глупости. А тем более делать...

Олег ее почти не слышал, стараясь преодолеть приступ слабости. Наконец ему удалось сесть. Временная глухота лишь помогала ему сосредоточиться на внутренних ощущениях. Каким-то чудом удержав равновесие, он замер, собираясь с силами. Предстояло самое трудное — встать.

— ...ты меня слышишь? Ну что за глупое упрямство! — донеслось до него.

Он что, ничего не слышал? А что она говорила до этого? Опять потерял сознание? Нет, это никуда не годится. Он обязан встать.

— Нет, ты только посмотри на себя. На тебе же лица нет. Вот упрямый!

Олег сидел бледный, с закрытыми глазами. По его лицу струился пот.

Илса сжала кулачки.

Надо же быть таким упрямым! Неужели не понимает, что не сможет и шагу ступить? Да и одежда... Он, наверное, еще не понял, что лежит совсем голый. Ночью ей и маме пришлось стащить с него всю одежду. Она была в крови,

от нее так разлило камерным запахом, что пришлось сразу засунуть в стиральную машину.

А Олег сидел и решал — готов ли он к решающему подходу? Накопил силы или торопится? Один раз он уже переоценил себя. Тогда все кончилось декомпрессией позвонков. Отец всегда вдалбливал: работай только со своим весом, природа не дура, она настроила твои органы под твой костяк, а штанга — это насилие и деформация. Олег тогда не послушал, поддался на уговоры друзей, выступил за команду... и снаряд мгновенно наказал за пренебрежение собственными принципами.

С тех пор он признавал только турник и бег. Тело вернулось к норме, но урок впечатался в память намертво: никогда не бери вес, который тебе не принадлежит.

А в теперь на него обрушился именно такой вес — чужой, запредельный. И он снова его взял.

— Юрий Иванович, посмотрите, пожалуйста! — Нина Суркова, улучив момент, подошла к преподавателю. — Вы говорили, чтобы мы приносили всё интересное из области психологии. Вот это... мне показалось очень важным.

Герасимчук едва сдержал недовольство. Раньше психоло-

гия мало кого интересовала, но сейчас мода на эту науку стала раздражать. Но что поделать — студентка проявила инициативу, нужно соответствовать. И избавиться от восторженной дурочки, притащившей очередной «шедевр» на быструю экспертизу.

Он бодро взял листы, рассчитывая быстро отделаться... и замер. Маска вежливости сползла.

Первым лежал гибрид ягуара и человека. Два хищника, слившиеся в единое тело. Юрий Иванович долго всматривался в изображение. Вытянутая голова венчала треугольник мощных мышц шеи, сливающейся с плечами. Тяжёлый внимательный взгляд приковывал к себе, не позволяя отвести глаза.

— Интересно, — пробормотал Герасимчук. — Очень интересно.

— Вам нравится? — Нина замерла.

— Это... это восхитительно! Просто великолепно! — Голос преподавателя повысился. — Поздравляю, Суркова. Это нечто уникальное. Работа выполнена так, будто изображение не нарисовано, а... проявлено. А кто автор?

Нина предусмотрительно убрала подпись Олега при копировании. Ей не хотелось подставлять отца, притащившего вещдоки домой.

— Подружка сказала, это рисовал маньяк, — выпалила она. — Из интернета стащила.

— Врёт твоя подружка. Жаль, что это копия, — мне хо-

телось бы видеть оригинал... — в раздумье проговорил Герасимчук. — Вот если бы...

— Так вы считаете, это писал не маньяк? — допытывалась Нина.

— Маньяк? — удивился Юрий Иванович. — Да нет, что ты. Здесь слишком много холодной логики для безумца. Оставь мне эти копии, я покажу их Соколову. Знаешь, о ком я?

Нина кивнула. Кто же в их институте не знал об Андрее Георгиевиче? Знаменитый учёный, про которого столько легенд ходило, что уже не знаешь, верить в них или нет. Любому другому Нина запретила бы показывать эти копии, но Соколову отказать не могла.

— Вы только их никому больше не показывайте, — художник находится под следствием, а мой папа будет его адвокатом. Если кто-то увидит эти рисунки, у папы будут неприятности.

— А кто сказал, что эти копии мне дала ты? — Улыбнулся Юрий Иванович. — Но в любом случае, обещаю — картины увидит только Андрей Георгиевич.

Игорь подъехал к дому Олега, ни от кого не таясь. *Следят? Да и хрен с вами! Пускай ломают голову, зачем он*

здесь. Пока догадаются про гараж... Да пусть вначале найдут этот гараж! Тупицы.

Для маскировки зашёл к одним соседям, к другим. Везде спрашивал, готовы ли те выступить свидетелями в суде. И, уже заполучив ключи, не поленился — ещё три лишних квартиры обошёл. На эти мероприятия Игорь затратил минут сорок. Потом демонстративно вышел из подъезда, раздражённо пнул колесо своей подержанной, хотя и резвой «Хонды Аккорд» и, громко хлопнув дверью, направил её в сторону торгового центра. Там, в вечерней сутолоке, топтуны его наверняка потеряют. Пусть машину охраняют.

Войдя в центр, Смоленский потолкался среди покупателей, зашёл в кафе, быстро выпил кофе и заел пончиком. Пусть топтуны «фиксируют»: объект любит сладкое.

Из кафе Смоленский направился в отдел, где продавались дешёвые китайские куртки-алюски. Примерил одну, другую. Давно собирался такую купить — большая, просторная, под ней что угодно можно спрятать.

— Упакуйте мне вот эту, чёрную, — не глядя ни на кого, попросил Игорь. Заметив на прилавке большой пластиковый пакет, ткнул пальцем: — Вот в него, пожалуйста. И добавьте ещё вон ту чёрную шапочку. Что там на ней написано? Sky?

Продащица, занятая другим покупателем, оглянулась. К удивлению Смоленского, она оказалась молодой и довольно милостивой брюнеткой. Девушка прошла к кассе, что дало возможность Игорю, как истинному ценителю, отметить, что

и с этой стороны сотрудница магазина выглядит впечатляюще.

Ух ты, какая фигурка! Как же она с такими данными работает в этой шараге?

Игорь отсчитывал деньги, а сам отчаянно косил глаза на ножки, что так соблазнительно выглядывали из-за стола с аппаратом.

— Скажите, а не могли бы вы мне помочь в одном маленьком, но важном деле? Мне мой водитель сказал, что будет ждать возле служебного выхода, а где он — я не знаю... — В голосе Игоря звучали просительные, даже робкие нотки, а глаза смотрели на девушку с нескрываемым восхищением. Она непременно должна это заметить! — Вы не подскажите, как туда пройти?

— Ну, вообще-то у нас это не практикуется. — Девушка лукаво улыбнулась. В её больших каре-зелёных глазах плясали искорки. — Да ладно, всё равно здесь настоящий проходной двор — столько фирм, столько людей... Вон видите, возле сорок шестого номера есть проход? Вот туда и идите. Спросят куда — скажите, что на склад за товаром. И заходите чаще!

— К вам — всегда! — весело ответил Смоленский. — Вас как зовут? Меня Игорь.

— А меня Катя. — Продавщица улыбнулась. — Да вы всё равно не запомните!

— Ещё как запомню! — Игорь улыбнулся в ответ. — Обе-

щаю: на этой неделе обязательно увидимся!

Повернув там, где показала Катя, Игорь быстро пошёл по длинному коридору. Там действительно было столько людей, что на него никто не обращал внимания. Всё, пора. Не замедляя шага, достал куртку. На ходу оторвав ярлык и ценник, влез в неё прямо поверх кожаной, что была на нём. Завершил смену образа, надев чёрную вязаную шапочку с надписью «Sky». Натянул её по самые брови, резко присел, будто завязывая шнурки.

Огляделся. Ничего подозрительного. Игорь выпрямился и повернул назад, в зал торгового центра. Скорым шагом прошёл к ближайшему выходу и оказался на улице, перпендикулярной той, на которой осталась его «Хонда». Пусть ещё постоит — у него пока другие планы.

Игорь остановил частного и попросил отвезти к гаражному кооперативу. Он знал, где находится гараж Олега, — в центре третьего ряда. Частник подвёз его прямо к воротам. Дежурный охранник знал Игоря и пропустил с условием, что, высадив пассажира, водитель тут же уедет. Игорь кивнул. Трасса, у которой располагался кооператив, была оживлённой — найти того, кто отвезёт назад, не проблема.

Вначале пришлось повозиться со светом: перегорела лампочка, а копаться в темноте не хотелось. Тем более пользоваться спичками в чужом гараже. Поди знай, что здесь находится. Пока Игорь искал запасную лампочку, времени прошло немало. Хотя куда теперь торопиться? Сегодня менты

сюда точно не нагрянут.

Вкрутил лампочку, включил свет.

Чекан тоже пришлось поискать. А когда Игорь его нашёл — даже опешил. Точно на топорик похож. Нет, скорее на миниатюрную кирку. Отполированная деревянная рукоять, тяжёлая, хорошо сбалансированная головка из серебристого металла. Одна сторона — миниатюрная тятка с острым лезвием, другая — клювообразное четырёхгранное остриё из калёного металла.

Странный инструмент. Скорее смахивает на оружие. Но Олег чётко сказал: «Его могут принять за оружие». Значит, всё-таки инструмент ремесленника? Ну да ладно, бог с ним. Главное, что этим чеканом никто не убит, — иначе Олег не стал бы его подставлять, прося забрать из гаража.

Смоленский неожиданно вздрогнул.

Обернулся.

Вокруг — никого.

Что это? Страх? Холод? Или он что-то услышал, но не осознал — что? Чёрт побери, Олег, да что вокруг тебя такое творится, если даже в пустом гараже страх прошибает?

Игорь зябко поёжился и, сунув чекан под куртку, направился к выходу. Выключил свет, прикрыл дверь и повернулся, чтобы закрыть замок. Одной рукой придерживать тяжёлую створку и поворачивать ключ было неудобно — пришлось прижаться к воротам всем телом.

И это спасло ему жизнь.

Что-то огромное просвистело у Игоря над головой и с силой врезалось в дощатую створку. В разные стороны полетели щепки.

Игорь, разворачиваясь, выхватил чекан и ударил в темноту. Бил не прицельно — рефлекторно отмахивался. Но удар оказался точен. Ещё не понимая, что происходит, Игорь почувствовал: оружие что-то зацепило. Раздался сухой звук рассекаемой ткани. Следом ударил едкий химический запах, от которого из глаз брызнули слёзы.

Инстинктивно Игорь вжался спиной в кирпичную стенку соседнего гаража. Из-за слёз он почти ничего не видел, но вокруг стояла такая тишина, что он бы даже чужое дыхание услышал. Но его не было!

Игоря трясло. Он был уверен, что нанёс кому-то травму.

Вонь из гаража стала исчезать, но противник не показывался.

Игорь смахнул шапку, вытер слёзы. Проморгался.

Вроде всё в порядке, глаза целы.

В гараже ни шороха.

Значит, пора.

Одним прыжком он оказался у входа. Рывком распахнул дверь, не глядя нанёс удар. Чекан просвистел в воздухе — никого не задел. Но Игорь иного и не ждал. Отмахиваясь в обратную сторону, сделал шаг вперёд. И вновь чекан не нашёл противника.

Оказавшись в гараже, прижался спиной к стене, приставным шагом ушёл вправо.

Противник не шевелился.

Нашарив левой рукой выключатель, Игорь нажал его.

Слабая лампочка зажглась...

В гараже никого не было. Никого! Даже свежих пятен на полу...

Глава 6.

Вован довольно огляделся. Хорошо все же на воле! Си-дишь в кабаке, что сам же крышуешь, вокруг свои пацаны. И ни единого мусора рядом. Даже не верится, что еще менее суток назад он парился в душной камере и даже не надеялся выйти на волю. Нет, конечно, адвокат суетился, свидетели нужные показания уже дали, но до освобождения под подписку дело не доходило. Следак уперся, и все. А прокурор, конечно, сделает все, как тот попросит. Уже и бабки носили, и через нужных людей давили — ничего не помогало. А вот на тебе, там, где доллары не помогли, помог случай. Да еще какой — расскажешь кому, хрен поверит! Как будто добрый волшебник прилетел и двери открыл. Точнее, выбил. Братва сначала даже не поверила им с Вареником. Да и кто ж поверит, что всю мусорню кто-то в капусту порубил, а героя никто и в глаза не видел? Хорошо, по телевизору показали про бойню в изоляторе, не то пацаны могли и плохое подумать. И неудивительно, Вовану расскажи кто такое, он бы и сам не поверил.

— Ну и счастливчик же ты! — Кот протянул рюмку и со звоном ударил ею о рюмку бригадира. — Выпьем за твою удачу, за твое везение! Теперь мы можем говорить, что наш Вован самый фартовый в столице. Пусть один хвалится баб-

ками, пусть другой барыгу мощного застремал... Но вот так скакнуть из неволи? Как ни крути, а ни у кого такого не было.

— Точно! — поддержал Кота Никита. — Даже после того, как по телевизору дикторша лопухая пропела про ваш кичман, все равно в башке не укладывается. Люди сидят по хатам, парятся, о воле мечтают, а тут приходит... Зорро, всех мусоров в расход. Нет, это даже не Зорро, это Терминатор, в натуре.

— Во блин! А я все думаю, где я про это слышал? — с готовностью подхватил Вареник. Привязавшись в камере к жесткому, но правильному авторитету, он решил принять приглашение и войти в бригаду Вована. Теперь он изо всех сил пытался скорее стать своим среди этих правильных пацанов. — А это в кино со Шварцем было! Как же это я забыл? Все думал, думал... Уже стало казаться, что это и на самом деле было.

Слова нового члена коллектива вызвали бурный смех.

— Ну дает! Вспоминает он! А ты, часом, сам не Терминатор? Небось Шварц у тебя в дубле ходил?

— Во-во, Арни рядом с тобой делать нечего!

— Не, братва, не нужно смеяться над человеком! Он и вправду в том фильме играл. Вместо Шварца, когда от него только скелет обгоревший остался.

Последние слова, а они принадлежали Никите, вызвали новый взрыв смеха. У некоторых даже слезы на глазах выступили. А Кот, так тот вообще съехал со стула и упал на

колени.

— Ну все, братуха, был ты Вареником, станешь Терминатором, — задыхаясь от смеха, проговорил бригадир. — Усохшим...

— Нет, лучше Шварцереник! — заржал Кот, — Или Варминатор!

Вареник растерянно огляделся. Ему было обидно, что никто не принимает его слова всерьез. Так можно превратиться в постоянного клоуна. Нужно было срочно менять тему, переводить разговор на другое.

— А знаете, братва, — закричал он, перекрывая шум, — парень, что с нами сидел, он покруче вашего Арнольда будет!

Эти слова потонули в хохоте.

— Во дает! Покруче Шварца? — ржал Кот, корчась на полу. — Наш Динамит, что ли, на кичу попал? Тот, что по телику грелки рвет. Ну, Вареник, ну, бля, ты шутник!

— Вован, ну скажи ты им! — взмолился объект насмешек. Он уже чуть не плакал. — Ты же сам видел! Тот, что весь поломанный был. Он же, в натуре, здоровый, как шкаф!

Вареник, злой и насупленный, дернулся, чтобы встать и уйти, но бригадир удержал его за рукав и усадил на место.

— Видел, видел, успокойся, — сдерживая смех, подтвердил он. Вовану вовсе не хотелось терять нового бойца. — Ну дай ребятам покуражиться! Пусть смеются на здоровье!

— Слышь, Вован, а это не тот, Терминатор... Нет, Вареник, это я не про тебя. Я про того спрашиваю, о котором по

ящику сказали, что он бабу на фарш пустил. Это не о нем? Не о вашем? — вдруг спросил Кот.

— Ну точно кино! — прыснул Никита. — Теперь по телефону будет искать других мочалок и мочить! Вареник, твоего номера в справочнике нет?

— Ты... ты, — Новый член бригады не находил слов, чтобы выразить свое возмущение. — Да пошел ты!

— Все! — рявкнул его бывший сокамерник. — Хорош ржать! Пора делами заняться! Что с баблом у нас? Какие темы замутили? У тебя что, Никита, азерами? Когда будут платить?

За столом мгновенно наступила тишина. Марат и Никита переглянулись и как по команде опустили головы, пряча глаза.

— Что примолкли? — продолжал Вован. — Я, кажется, спросил о чем-то!

— С азерами глухо, — выдавил из себя Марат. — Они под мусоров легли, теперь РУБОП их крышует. Нам конкретно объявили: сунетесь еще раз на рынок, будут вывозить и здоровье отнимать...

— Кто именно терки вел? — зло спросил бригадир. Он и раньше подозревал, что его приняли не просто так что в камере он оказался под «заказ», но только теперь стал понимать, откуда дует ветер. — Фамилия, должность...

— Макарычев, зам Зурабова, начальника СОБРа, — пояснил Никита. — Через два дня, как тебя закрыли.

Вован сжал кулаки так, что кожа на костяшках пальцев побелела. На скулах заиграли желваки. Он обвел братву тяжелым взглядом и спросил:

— А Молодому говорили? Он как на это отреагировал?

— Молодого самого прессуют всюю, — сообщил Марат.

— Я с ним виделся... В бегах он. Может, сейчас где-то в Подмосковьи сухарится, А может, и в Питере.

— Ладно, с азерами разберемся, — кивнул Вован. — Анютин платит?

— Куда он денется? — улыбнулся Никита. — Платит, конечно! И он, и «Фламинго»... Правда, казино опустили две недели назад. Фраер какой-то залетный. Никто его раньше не видел... Мы хотели взять его, да он делся куда-то. Вроде бы садился в машину... Кот, расскажи, ты же за ним смотрел.

Константин недовольно дернул головой. Нашли—таки как перекинуть стрелки, мол, его был косяк, он упустил залетного.

— Он подошел к машине, к такси. — Кот до сих пор не понимал, как он упустил того длинного, что выиграл куш и испарился. — Я к машине своей, думаю, прослежу до дома, куда он поедет... Такси поехало, он там точно сидел, гадом буду. Я за ними. Подъезжаем к Казанскому, этот, как прокнокал меня, прямо на перекрестке выскочил и в переход! Ну, тот, что с магазином круглосуточным... «Рамстор», кажется... Я туда, вроде бы как к обменнику. Охранник говорит, пункт закрыт. Я ему: как же закрыт, когда дружок, мол,

только что вошел? Описываю длинного, тот говорит: да, был такой. Начали искать, все отделы, все передевалки осмотрели, нет его. Охранник сам засуетился, вызвал начальника смены, ночного директора, продавщиц...

— А в туалете смотрели? — поинтересовался Вареник. — Он там мог спрятаться.

— Вован, ты где этого... нашел? — раздраженно спросил Кот. — Слышь, Вареник, ты...

— И что, не нашли? — Бригадир, предвидя очередной конфликт, предостерегающе поднял руку. — В подсобках, в кабинете директора...

— Везде смотрели — как сквозь землю провалился! — Константин покаянно развел руками. — Не поверишь, спать не могу, все никак не пойму: как ему это удалось? Бля буду, сам заплатил бы, чтобы узнать.

Соколов проводил последнего из своих учеников с тяжелым сердцем. Не давал покоя разговор с бывшим учеником Юрой Герасимчуком. Тот приехал посоветоваться, принесла ему одна студентка копии на оценку. Говорит, маньяк рисовал. Молодой совсем, а уже свою любовницу живьем сварил. Юра не поверил, привез учителю картинку посмотреть...

Соколов вздохнул. *Мальчишка явно не маньяк — он гений. Таких не судить надо, а прятать в монастырь, за самые толстые стены, подальше от людской грязи. Затравят ведь парня, как затравили многих до него. В старину таких звали Реставраторами.*

Слово всплыло в сознании само, тяжелое, пахнущее пылью веков и кровью. Соколов чувствовал: *сила Реставраторов не в красках, а в способности править саму ткань бытия, возвращая вещам их истинную, зачастую пугающую форму. Веяло от этого слова силой древней и страшной.*

А вот у нынешнего парня она пока еще неопределенная. Могучая, неудержимая, но хаотичная. Если он писал то, что видел — это одно. А если он «проявлял» то, что лежит в его собственной душе... Тогда впереди беда. Если не залить начинающий пожар, он может сжечь все вокруг себя! Пока не поздно нужно искать парня, работать с ним. Если у него трагедия, помочь, вернуть душевное равновесие. А если это все из собственной агрессии... придется ликвидировать.

Соколов подошел к окну.

Чернов теперь для него не просто идентификатор. Он возмущение в поле реальности, которое невозможно игнорировать. Но как ему помочь? Как уберечь от неверного поступка? С его талантом можно такое наворотить, такие беды принести... Вот хотя бы картинка эти... Андрея Георгиевича даже передернуло — вспомнилось, какой зловещей силой веяло от листов, что принес его ученик. Медлить нельзя,

нужно действовать. И первое, что можно сделать — позволить Василию Баграмову.

Как ни обидно признавать, в одиночку Соколову с этой проблемой не справиться. Пальцы сами набрали знакомый номер. Он привык доверять чутью — оно не подводило его с той самой секунды на Алтае, когда взрывная волна последнего наземного испытания водородной бомбы швырнула его вместе с конем оземь. Тот день убил в нем мальчишку — пастуха, но подарил новые качества, за которые пришлось платить одиночеством.

Почти все друзья того времени уже ушли, но Соколов выжил, заплатив за это одиночеством и способностями, пугавшими обывателей.

— Вася! Здравствуй, дорогой!

— О, Андрей! — в трубке послышался довольный смешок.

— Что случилось, раз ты вдруг вспомнил обо мне?

— Дела, Вася. Нам увидеться надо. У тебя как со временем?

— Андрей, ну как тебе не стыдно? Ты же знаешь, я тебе всегда рад.

— А ничего, что поздно? — Кто в наши годы спит? — хохотнул Баграмов. — На том свете отдохнем. Заходи, ставлю чайник.

Старший следователь Генеральной прокуратуры Малышев Вячеслав Яковлевич, возглавивший объединенную бригаду, сам допрашивал друзей Чернова. Он понимал: парень не мог разнести отделение, находясь в камере — это физически невозможно. Но за отсутствием иных версий продолжал разрабатывать ту, что была под рукой, тем более что Порывайко с пеной у рта настаивал на виновности художника.

Малышев шкурой чувствовал ложь. Друзья Чернова были искренни, а вот райотделовский следак явно темнил. Вячеслав Яковлевич слишком хорошо знал, как опергруппы «дупят» задержанных — после такой обработки парень вряд ли мог самостоятельно ходить, не то что выламывать стальные двери.

Заместитель начальника отдела ФСБ Глотов Евгений Романович занимал промежуточную позицию. Его беспокоил экспертный тупик. Почерк нападавших совпадал с убийством Карины Акопян, но данные судмедэкспертов ограничились с бредом. У некоторых сотрудников головы будто взорвались изнутри — мозг превратился в кипящий жир. При полном отсутствии внешних ожогов. И ни на телах, ни на искореженных в «гармошку» стальных дверях не нашли никаких следов иного металла — ни частиц, ни царапин, ничего, что

указывало бы на применение оружия. Криминалистика такого не знала: любое лезвие обязано оставить след, а здесь металл был вскрыт без единого признака механического воздействия.

— Слава, свидетелей пора отпускать, — Глотов вошел в кабинет. — Больше из них ничего не выжать.

— Согласен. Что по очевидцам?

— Работаем с таксистами. Думаю, завтра беглые сами потянутся, если пообещаем скостить срок за информацию о налете. Подпишешь бумагу?

— Извини, Женя, но с этим к прокурору, — Малышев понимал, что чекист прав, но подставляться не спешил.

Адвокат Сурков Геннадий Семенович и его жена Мария Александровна по привычке сидели на кухне за чаем с ватфельным тортом. Главная их забота — дочь Нина — хлопот не доставляла, так что рассказ мужа о ночной трагедии и разгромленном СИЗО пришелся кстати. Мария Александровна была так потрясена новостью о сбежавшем маньяке, что едва не выронила чайник. В ее представлении за художником-убийцей теперь стояла целая банда таких же зверей.

— Геннадий, ты бы сказал нашей Нинке, чтобы дома си-

дела и никуда не выходила, — обратилась она к мужу. — Вон темень уже, а ее все нет. Вот придет, я ей устрою!

— Маша, успокойся, что ты на дочку-то наговариваешь, — мягко возразил Сурков. — Уж нам на нее грех жаловаться. Ты бы посмотрела, что у других делается. Наркота, алкоголь... ранние аборты! Знаешь, каких соплячек в отделение доставляют? Бандитки, двенадцати нет, а они людей грабят. Места неиспользованного нет. Полный комплект венерических болезней.

— Вот молодец! Вот придумал! — Мария Александровна всплеснула руками. — Я не для того дочку воспитываю, чтобы ее с такими сравнивали! Еще не хватало! Ты хотя бы подумал, прежде чем такое говорить! Да наша Ниночка...

— Вот, — спокойно сказал Сурков. — Теперь ты сама поняла, что нечего дочь ругать. Хорошая деваха выросла, спасибо скажи! А ты такой шум подняла!

— А нечего мне на ночь глядя страсти такие рассказывать. Вот удумал-то, маньяки, топоры, трупы без головы! — парировала супруга. — Сам напугаешь, а потом...

Спор был прерван звонком в дверь. Грузная Мария Александровна вскочила со стула и коlobком покатилась открывать. Два громких щелчка, по одному на каждый замок двойной двери, и началось привычное чмокание, сюсюканье, и после некоторого возмущения избыточной экспрессивностью мамы послышался счастливый смех обеих.

Сурков довольно улыбнулся — ради таких вечеров и сто-

ило жить. Он и представить не мог, что когда-нибудь дочь уйдет из дома, и в ее жизни появится мужчина, который станет главой ее собственной семьи.

Геннадий Семенович достал из дипломата свежий «Космополитен». Барахло, конечно, но что делать — остальные журналы, говорят, еще хуже. Узнав, что сегодня на службе делать нечего, все клиенты разбежались, он прошелся по судьям, раздал презенты, согласовал сроки, выше которых подопечные не получают, и, чтобы не возвращаться домой с пустыми руками, купил дочке последний номер. Сам виноват — приучил ее к ежедневным подаркам.

— Папулька, как дела? — Нина влетела на кухню и ткнулась мягкими губами в щеку отца. В кухне сразу стало как будто светлее.

— Да вот, сидим с мамой и ждем тебя, — радостно улыбаясь, ответил отец. — Я, грешным делом, рассказал ей про побег маньяка, вот она и дрожит за тебя, говорит, темно, а Нинка загуляла, домой не идет.

— Я у Вики была, — сообщила Нина. Она схватила кусочек торта и, запивая холодным молоком, стала есть.

— Нинка, сколько раз тебе говорить, чтобы сладким аппетит себе не портила! — закричала Мария Александровна. — Я котлет нажарила, пюре натолкла...

— Давай. — Нина кивнула, пшеничные волосы упали на лоб. — И огурец соленный тоже.

— Как, после сладкого? — удивился отец.

— А потом еще раз сладкое будет. — Нина побежала мыть руки. — После ужина!

Старшие Сурковы переглянулись и заулыбались. Нет, такой дочки ни у кого нет.

И вдруг дом сотрясся от страшного удара. В коридоре загрохотало — это упала двойная дверь вместе с рамой. Куски цемента и штукатурки влетели в коридор и, ударившись о стену, посыпались на пол.

Чернов!

Осененный страшной догадкой, Сурков окаменел.

Жена пронеслась мимо него в коридор — и тут же, с раскатистым треском, ее безголовое тело влетело назад. Струи крови ударили в стену и телевизор. Несколько тяжелых капель попали адвокату в лицо, но даже это не вывело его из ступора.

Сурков знал, что будет дальше. Вот сейчас войдет Чернов и...

Тяжелые шаги приближались. Геннадий Семенович не смел поднять голову. Он устался в пол. В ноги.

Ноги?..

Боже... это... это не... Разве у людей бывают такие?

Господи, спаси и помилуй, что это?

В наступившей тишине хлопнула дверь ванной.

Нина? Боже, его девочка! Может, хотя бы она спасется!

— Нинка, беги! — закричал Сурков и, схватив со стола старый кухонный нож, взглянул на своего врага, — Ну, да-

вай...

Глава 7.

Олег брел незнакомыми улицами.

До Жака, чей адрес дал Игорь, путь неблизкий, но в кармане даже на билет денег не нашлось. *Все выгребли менты, когда его оформляли в приемнике. Вначале, конечно, порезвились опера, когда он был без сознания. Козлы!*

Проводил глазами проезжающий троллейбус. *Может рискнуть и проехать зайцем? Нет, с его везением, он обязательно наткнется на единственного контролера в Москве. Поговорка: «купит пароход — море высохнет», как раз про него придумана.*

Олег миновал мост и вышел на Зубовскую площадь. Освещенная яркими огнями витрин и уличными фонарями, эта площадь всегда ему нравилась, но сегодня не радовала глаз. Чувствовал он себя относительно неплохо, но идти было еще очень далеко. Да и давала о себе знать усталость от долгой ходьбы. Передохнуть бы, но где? В Москве мест полно. Только все — за деньги. Без них тяжело... Тем более, когда ты в розыске.

Первые признаки повышенного интереса к себе Олег заметил, подходя к Смоленской площади. Патрульный — из молодых призывников — уставился на него слишком пристально. Поймав встречный взгляд Чернова, «гоблин» испу-

гался и резко отвернулся, подтвердив худшие опасения: ориентировка на него уже разослана и доведена до исполнителей.

Это был сигнал тревоги. Как ни был Олег измучен, мозг четко засекает неловкость милиционера. С чего это вдруг он так расслабился и вместо того, чтобы пробираться теньвыми сторонами улиц, выбрался на одно из самых светлых мест Москвы? Дурак, еще бы на Тверскую вышел. Или уж сразу в Кремль.

Он свернул к Арбату, надеясь затеряться в толпе, но с его габаритами это было мудрено. Спиной ощущал буравящие взгляды — патрульные уже вызвали бойцов покрепче, с которыми в нынешнем состоянии ему не сдюжить.

Олег попытался ускорить шаг. За спиной послышался топот сапог. Впереди показались фары милицейского «форда». Сирена не была включена, но «люстра» сияла. Они демонстративно медленно приближались к Олегу, как бы говоря: ложись-ка, милок, сам на асфальт, пока тебя дубинками не положили. Ты так и так получишь, но меньше.

Ну уж хрен вам!

Олег круто повернулся и пошел обратно, навстречу гоблинам. Призывники, наслушавшись, видимо, про него, какой он монстр и людоед, кинулись врассыпную. «Форд» прибавил скорости. Наверное, там поняли, что могут потерять беглеца.

Олег пересёк улочку и оказался на площадке перед стан-

цией метро «Смоленская». Вход был уже закрыт, но ларьки вокруг работали. Пройдя между ними, он хотел снова выбраться на площадь и уйти в сторону Нового Арбата, но тут ему навстречу выскочила белая «девятка». На ней не было милицейской раскраски, но по тому, как уверенно водитель направил её на Олега, стало ясно: за рулём мент. Машина неслась прямо на Чернова, и казалось, ещё чуть-чуть — и тонна металла раздавит его всмятку. Олег отпрянул в сторону, но сделал это недостаточно быстро, и, если бы водитель хотел задавить, — он бы своего добился. К счастью, это была всего лишь психологическая атака.

В метре от Чернова «девятка» клюнула носом. Из дверей выскочили двое в бронежилетах, вскинув укороченные «калаши», заорали:

— Стоять!

— Руки за голову!

Олег подчинился. И в этот миг один из оперативников, одурев от смелости, замахнулся прикладом.

В ребра! — пронеслось в голове и тот же миг в художнике что-то сработало: мгновенно выброшенная нога врезалась храбрецу в живот. Сотрудник, потеряв один ботинок, перелетел через капот.

Все, теперь терять нечего!

Поймав падающее оружие у самой земли, Олег перекатился через капот и пяткой ударил в колено второго мента. Всё произошло так стремительно, что тот даже не успел сообра-

зить, куда делся напарник.

Действуя почти бессознательно, Олег пинком отшвырнул второй автомат и прыгнул в машину. Ему повезло ещё раз — менты даже не заглушили двигатель. Включив заднюю скорость, он одним широким разворотом оказался перед выездом. Переключение передачи, педаль газа — и, набирая скорость, он выскочил на площадь.

«Форд», выехавший следом за Олегом к станции метро, застал лишь мигнувшие задние фонари «девятки» да два распростёртых тела. В свете фар стало видно, что они в бронжилетах.

— Наши! — закричали в «форде». — Он наших поубивал! Васек, гони, уйдет ведь!

— А с этими как? — спросил Васек, проезжая между телами, которые не подавали признаков жизни. — Серега, не бросать же ребят...

— Гони! Сзади молодёжь бежит, помогут! — Тот, которого называли Серёгой, взял микрофон и по транковой связи доложил обстановку.

Олег, понимая, что его вот-вот перехватят, пронесся по Новому Арбату. Долетев до первого перекрестка, он свернул в переулок и метров через сто остановился. Как ни жаль, а с машиной придется расстаться. Протерев и сбросив «укорот» на сиденье и наспех стер отпечатки с руля.

Глупость, — пронеслось в голове, — *они и так знают, что это я.*

Но все равно потерял секунду и протер ручку переключения передач. Тенью юркнул в переулок.

Адреналин, выброшенный при столкновении с милицией, придал сил. Теперь Олег шел быстрой, уверенной походкой. До Жака необходимо было успеть добраться этой ночью, при той охоте, что на него устроили, днем на улицу выходить опасно.

Илса открыла глаза. Как будто что-то толкнуло — и она проснулась. А может, до ее ушей донесся щелчок дверного замка?

Как бы то ни было, Илса поднялась. Она спала не раздеваясь, поэтому, вскочив, тут же побежала в комнату, где лежал Олег... Так и есть, этот непоседа сбежал. Господи, он же так слаб! Ну куда, куда он пошел? Зачем только она оставила всю его одежду на стуле? Спрятать нужно было! Вот упрямец, стало чуть лучше, решил, что здоров. Что с того, что мама два часа колдовала над ним, — одним-двумя сеансами делу не поможешь.

Как же быть? Может, еще не поздно? Может, Олег еще не успел далеко уйти, и она его догонит? На лестнице или у подъезда... Тогда чего же она стоит?

Илса, надевая на ходу куртку, бросилась к двери, зацепила

в темноте лежавшую на тумбочке щетку, та с легким стуком упала на пол.

— Кто здесь? — послышался голос Аллы Рихардовны, которая спала очень чутко. — Илса, это ты?

— Да, мама, спи, я на минутку.

— Что значит на минутку? — спросила мать, поднимаясь с постели. — Куда это ты собралась?

— Мама, Олег ушел, — торопливо проговорила Илса, боясь, что, пока все объяснит матери, Олега будет уже не догнать. — Его нужно вернуть.

Илса, надеясь, что Алла Рихардовна не станет ее удерживать, направилась к двери.

— Стой, — властно приказала мать, — Никуда ты не пойдешь.

— Но как же...

— Все, я сказала. — Алла Рихардовна не терпела возражений. — Ушел, значит, так суждено было. Беда за ним, нельзя ему было здесь оставаться. И хватит об этом. Мне никто не звонил?

— Баграмов... Но я сказала, что ты спишь, — растерянно ответила Илса, не понимая, почему мать говорит с ней так резко. — Не хотела тебя беспокоить.

— Да что же ты, совсем не понимаешь, с кем говоришь? — Алла Рихардовна относилась к своему бывшему начальнику как к некоему божеству. Может, потому, что он был единственным из больших начальников, кто всерьез отнесся

к ее способностям? — Который сейчас час?

Илса посмотрела на часы.

— Без четверти час. Уже поздно.

— Ты не знаешь, что за человек Василий Сергеевич. — Алла Рихардовна вскочила с постели, сгребла в охапку одежду с тумбочки и тут же отшвырнула — нет, не то. — Ему в это время просто не дают работать! Все ходят, ходят... Вот кто настоящий руководитель. Такой если звонит в неурочное время, значит, случилось...

Её рука нащупала в ящике тумбочки записную книжку.

— Василий Сергеевич, это я, Озолия. Я вас не разбудила?

— Нет, Алла Рихардовна, не разбудили, — засмеялся Баграмов. — А вообще-то здравствуйте.

— Ой, простите, Василий Сергеевич, я так с ходу... Здравствуйте! Вы... но... Я бы всегда... Меня дочь должна была разбудить, но вы не настояли...

— Илсочка правильно сделала, что не стала вас будить, — пророкотал профессорский басок. — И сейчас не волнуйтесь, прошу вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.